

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ДЕНЬ
НАРОДНОГО
ЕДИНСТВА

ПРЕОДОЛЕНИЕ СМУТЫ

Русская история

Валерий Шамбаров

**День народного единства.
Преодоление смуты**

«Алисторус»

2014

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

Шамбаров В. Е.

День народного единства. Преодоление смуты / В. Е. Шамбаров —
«Алисторус», 2014 — (Русская история)

В начале XVII Россия погибала. Смуты, мезиво гражданских войн, рухнула вся система государственной власти, города и области делили между собой интервенты. Спасли страну не только воинские подвиги. Русские люди сумели преодолеть раздиравшие их политические противоречия, объединиться – и стали непобедимыми. Это единение позволило отразить всех врагов, быстро преодолеть последствия грандиозной катастрофы, снова вывести Россию в число ведущих мировых держав. В издательстве «Алгоритм» в прошлые годы вышли книги известного писателя Валерия Шамбарова «За веру, царя и Отечество» и «Последняя битва императоров» об истории Первой мировой войны. В частности, в них уделяется большое внимание геноциду армян в Османской империи в 1915 г. К столетию этой чудовищной трагедии издательство рассматривает вопрос о создании отдельной книги, посвященной данному вопросу.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

© Шамбаров В. Е., 2014
© Алисторус, 2014

Содержание

От автора	5
Становление цивилизаций	7
Европа раскалывается	15
Россия и Европа	24
Россия и Азия	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Шамбаров

День народного единства.

Преодоление смуты

От автора

Семнадцатый век... Наверное, самый романтический век. В прямом смысле. Ведь именно тогда жили и действовали герои самых популярных романов, будораживших воображение многих поколений молодежи. Звенели шпаги мушкетеров. Плели хитрые сети политических интриг Ришелье, Мазарини и Кромвель. Под «Веселым Роджером» гуляли по морям прототипы капитана Блада, Флинта и Сильвера. В шотландских горах бунтовал неукротимый Роб Рой. Сражались за свободу приятели Тиля Уленшпигеля. Отплясывали краковяк и рубились с врагами соратники пана Володыевского. Томился в тюрьме таинственный узник «Железная маска». Раскатывали по свету авантюристски наподобие Анжелики. А в американских лесах раскуривали с вождями трубки мира первые «следопыты»...

Что ж, мы уже привыкли судить о прошлом по романам и кинофильмам. Но вот только о России XVII столетия почему-то ничего подобного не создавалось. А если что и создавалось, то откроешь – и читать неохота. Какой-то сплошной «мрак Средневековья», даже непонятно становится: как же люди-то могли существовать в таких условиях? Но в отношении этого столетия нас и учебники истории отнюдь не балуют. Взять хотя бы царствование Михаила Федоровича, современника тех же мушкетеров и «уленшпигелей», – и мы обнаружим в учебниках... пустое место. Будто ничего серьезного на Руси не происходило, и она так и лежала в темноте, рабстве и невежестве, лениво почесываясь и ожидая, когда же кто-нибудь придет, «просветит» ее и преобразует, прорубит ей «окна в Европу».

Хотя первых! государь из династии Романовых правил 32 года, это была целая эпоха. И, как показывают факты, эпоха весьма бурная и энергичная, насыщенная важными событиями. После кошмарных опустошений и развала Смуты Россия практически «с нуля» сумела восстановить разрушенное хозяйство. Укрепляла и совершенствовала оригинальные и эффективные структуры гражданского управления. Развивала экономическую базу и начала строить национальную промышленность. Достигла расцвета своей самобытной культуры. Значительно расширила свои пределы, дойдя на востоке до Тихого океана и границ Китая, на юге сделав огромный шаг в «Дикое Поле», прочно воссоединившись с донским казачеством, надежно утвердив позиции на Северном Кавказе. И отметим, что все успехи достигались еще на своей собственной, национальной основе, на базе собственных традиций, без ломок, «перестроек» и огульного подражательства чужеземцам. Но выясняется, что и без этого наша страна обладала огромным авторитетом на международной арене, поддерживала тесные связи со многими государствами, играла заметную роль и в европейской, и в азиатской политике. Умела дружить с иноземцами, не через «окна», а через широко открытые «двери» вела с ними масштабную торговлю.

Зато уж если ее задевали – то не взыщите. Тут уж звучал клич «Бей поганых!». В эпоху Михаила Федоровича России пришлось вести три только «официальных», крупных войны. А войны необъявленные, пограничные конфликты и набеги хищных соседей никто и не считал, они шли постоянно, из года в год. Но отбивались, одолевали врагов. И держава набирала все большую силу... Это было время мудрых политиков, ничуть не уступавших Ришелье и Кромвелю, талантливых полководцев, не уступавших Валленштайну и Тюренну, первооткрывате-

лей, не уступавших Тасману и Гудзону, замечательных художников, зодчих, дипломатов, лихих и умелых воинов. Мы не знаем их? Но это не их, а наша вина.

Честно говоря, я заинтересовался эпохой Михаила Федоровича как раз из-за того, что она представляет собой некое «белое пятно» в нашем образовании и сложившихся представлениях о прошлом. Вот и стало любопытно: как же там люди жили, к чему стремились, какие проблемы решали? А когда копнул материалы и пошел вдруг неожиданные для меня самого «открытия», то и решил познакомить с ними читателя. А то как-то даже нехорошо получается. Как же нас с вами будут уважать другие народы, если мы сами себя и своей истории не уважаем?

Становление цивилизаций

Вы случайно не задумывались о том, что современные методики преподавания истории обладают рядом любопытных особенностей? Отдельно изучается история «всемирная» и отдельно – история России. То есть получаются как бы две отдельные и почти не связанные канвы. Причем и «всемирная» история касается в основном Западной Европы – события в других частях света даются лишь вскользь, между делом. Возникли эти особенности отнюдь не случайно. Суть в том, что европейские «гуманисты», мыслители эпохи Возрождения и Просвещения, создали концепцию «линейной» истории, протянув нитку «прогресса» от древнего Ближнего Востока к Древней Греции, Древнему Риму, а от него – к европейской цивилизации. Что породило теорию «европоцентризма», объявлявшую все прочие народы «варварскими» и «неисторическими», способными в лучшем случае перенимать достижения культуры от Запада.

Ну а наши отечественные профессора XIX в. сами были яркими западниками, обуянными комплексами «национальной неполноценности», поэтому приняли данную теорию с распростертыми объятиями. И историю собственной страны скромненько расположили особнячком, в сторонке. А в качестве главного критерия достижений России повсюду расставили указатели – мол, в такие-то периоды она от Запада отставала, а в такие-то, глядишь, и «догоняла». Вот и получилось, что русским как будто делать было больше нечего, кроме как с Европой в догонялки играть.

Но в XX в. теории европоцентризма затрещали по всем швам... Да и вообще нетрудно понять, что подобный подход может дать картину слишком уж искаженную. И поэтому, хотя я пишу книгу о России, но предпочел показывать ее на фоне того, что делалось в других государствах. Это позволит и более наглядно представить сам «дух эпохи», и проследить взаимосвязи событий в разных странах. И увидеть, где и впрямь в чем-то отставали, а где, может быть, просто шли по другому пути. Ведь русская и западноевропейская цивилизации формировались в разных условиях, почти независимо друг от друга.

Чтобы осознать их разницу, сложившуюся к XVII в., целесообразно сперва отступить назад во времени и хотя бы бегло взглянуть на мир XIV–XVI вв. В Европе это время знаменовалось эпохой Возрождения и Великих открытий. Впрочем, тут мы невольно попадаем под «гипноз названий». Стоит лишь прозвучать словам «эпоха Возрождения», как в сознании возникает некий прекрасный мир художников, ученых, мыслителей. А Великие открытия, конечно же, ассоциируются с отважными капитанами и отчаянными моряками, обуянными географическим азартом и наносящими на карты контуры неведомых берегов, населенных дикарями...

На самом же деле Европа этой поры представляла собой невеселое зрелище. На Балканах догнивала некогда великая Византийская империя. Умирала она тяжело и страшно. Погрязла в интригах и коррупции, и когда в 1204 г. небольшое, всего 20 тыс., войско крестоносцев напало на Константинополь, выяснилось, что адмиралы разворовали и распродали собственный флот, армии нет, а из полумиллионного населения города никто и не подумал браться за оружие. А над ограбленными уцелевшими жителями, бегущими из столицы, соплеменники смеялись и издевались, поскольку ненавидели богатый Константинополь, высасывавший соки из провинции.

Латинская империя, созданная на Балканах крестоносцами, продержалась недолго. Против грабителей все же организовались и выжибли. Но и Византия не воскресла, распавшись на независимые и полунезависимые области.

Греки, болгары и сербы резались друг с другом и между собой. Национальные богатства утекали в карманы венецианских и генуэзских купцов – греческие правители попали в полную финансовую зависимость от них. А в Малой Азии усиливались турки-османы, которых визан-

тийские властители за неимением войск сами приглашали поучаствовать в междоусобицах и войнах с соседями. Никакого турецкого «завоевания» империи фактически не было. Османы просто занимали земли, опустошенные во внутриимперских драках, и селились на них. На свои окраины императоры давно плюнули. И крестьяне, разоряемые налогами, но не получающие ни малейшей защиты от набегов соседей, добровольно переходили в ислам и становились турками. А дворяне переходили к ним на службу, сохраняя веру, – османы в этот период относились к православным лояльно. Наконец от всей империи остались лишь Константинополь и несколько клочков на Балканском полуострове и островах, причем цари уже вынуждены были платить дань турецким султанам.

Карта Западной Европы была также не похожа на нынешнюю. На месте Германии существовало около 350 государств.

На месте Италии – 15 «больших» и множество микроскопических. На месте Великобритании – 4, на месте Франции – полдюжины. И французы, англичане, шотландцы, бургундцы, бретонцы сцепились в это время в Столетней войне, которая велась методами, далекими от наших понятий о «цивилизованности». Англичане спалили Жанну д'Арк, торговали знатными пленными, а незнатным выпускали кишки. Французы вели себя аналогично, юный Людовик XI после побед пировал, любуясь на то, как слуги колотушками проламывают черепа пленникам-англичанам. На Пиренеях горцы-христиане из Португалии, Кастилии, Наварры, Каталонии, Валенсии, Арагона с переменным успехом пытались отвоевать богатые равнины, населенные мусульманами.

Среди этого хаоса в плане материального благополучия выделились два региона: Германия и Италия. Германские императоры постоянно нуждались в деньгах для борьбы против собственных вассалов, а их вассалы – для борьбы против императоров и друг друга. Поэтому те и другие продавали вольности и привилегии подвластным городам, превращавшимся в ремесленные и купеческие центры. Ряд городов объединился в мощный союз – Ганзу, монополизировавший торговлю в Северном и Балтийском морях. А приток богатств в Италию начался со времен Крестовых походов, когда Венеция, Генуя, Пиза занялись морскими перевозками между Европой и Ближним Востоком. Основали там базы, опутали сетями разлагающуюся Византию. Львиная доля добычи, награбленной крестоносцами, осела в итальянских городах. А вдобавок итальянцы монополизировали транзит через Средиземное море, важнейший узел коммуникаций той эпохи. Венецианцам принадлежали Крит, Кипр, ряд Эгейских Островов, фактории в Египте. Генуэзцам – Корсика, Галата под боком у Константинополя, в Причерноморье – Тана (Азов), Сутдея (Судак), Кафа (Феодосия).

Через Италию пошли основные потоки международной торговли. От них перепадало и местным властителям, и папам римским, которым пересылалась еще и соответствующая мзда от других католических государств. Здесь пересеклись и культурные влияния арабского Востока и Византии. Да и в самой Италии находили древнеримские статуи, мозаики, развалины зданий, рукописи. Приток капиталов и эти влияния как раз и стали основой «Возрождения». Богачам хотелось жить красивее, и эталоном для подражания они сделали Древний Рим. Сам термин «возрождение» вошел в обиход от льстецов – в Средние века было принято говорить об упадке по сравнению с Римской империей, теперь же стали утверждать, будто ее величие возрождается, сравнивая тех или иных магнатов с цезарями и августами. Оные магнаты швыряли деньги на строительство дворцов, украшение их статуями и картинами. А спрос на искусство позволил выдвинуться и развиваться талантам.

Но стоит учитывать, что гениев в эту эпоху было всего несколько десятков. И со всеобщим процветанием «Возрождение» не имело ничего общего. Итальянские государства ожесточенно дрались между собой, шли войны между гвельфами и гибеллинами (сторонниками приоритета пап римских или германских императоров), между «черными» и «белыми» гвельфами (аристократией и купцами-нуворишами), бунты черни. Сжигались города, победители варвар-

ски истребляли побежденных. И большая часть шедевров, созданных в эпоху Возрождения, тогда же и погибла. А на материально-технической базе Италии приток богатств и придворная роскошь совершенно не сказались. Здешние воротилы предпочитали быть только перекупщиками и финансистами, а деньги чаще вкладывали в предприятия Германии, это было безопаснее, чем на родине. По той же причине многие итальянские мастера уезжали в другие страны.

Ну а в духовном плане казалось, что эпоха Возрождения действительно «возродила» времена разложения Древнего Рима. Тяга к наслаждениям и богатство сломали нравственные устои Средневековья. «Декамерон» заменил людям Библию. Разница между знатыми дамами и проститутками определялась только их ценой. Вельможи хвастались количеством побочных детей (рекордсменом был Никколо д'Эсте – более 300). Пресыщаясь обычными излишествами, входили во вкус извращений, и миланский герцог Галеацци Сфорца после обеда любовался на разыгрываемые перед ним сцены содомии. Но главным следствием этого упадка стало разрушение католической церкви. Ее особенностью, сложившейся исторически, была значительная «мирская» составляющая. В раздробленной Европе и папы, и многие архиепископы и епископы были суверенными правителями своих владений. А бенефиции (пожалования) монастырей и церковных должностей рассматривались в первую очередь с точки зрения доходов.

Из-за этого церковь периодически переживала кризисы, которые удавалось преодолевать, но соблазны Возрождения оказались для нее слишком сильными. Сохранились декреты пап и епископов, открытым текстом запрещавшие священнослужителям держать мясные лавки, кабаки и публичные дома, призывавшие их прекратить блуд и пьянство. Однако проку было мало, поскольку главным рассадником гниения стал сам Рим. Появлялись такие монстры, как папа Сикст IV – взяточник, гомосексуалист и убийца. Лоренцо Медичи называл Рим «отхожим местом, объединившим все пороки», а Петрарка писал: «Достаточно увидеть Рим, чтобы потерять веру».

Не замедлили появиться «первые ласточки» раскола. О необходимости реформ церкви заговорил англичанин Уиклиф, потом чех Ян Гус. Его, ничтоже сумняшеся, осудили и сожгли, но казнь популярного проповедника вызвала восстание во всей Чехии. После нескольких десятилетий войн чехов удалось замирить с огромным трудом, признав их права на особенности богослужения. Но никаких выводов из случившегося римское духовенство не сделало. А если и предпринимало шаги по укреплению веры, то они сами по себе напоминали извращения. В 1484 г. вышла булла папы Иннокентия VIII «*Summis desiderantes*», давшая старт жуткой «охоте на ведьм». И в 1487 г. видные богословы и инквизиторы Шпренгер и Инститорис опубликовали «Молот ведьм» – фундаментальное юридическое, теологическое и практическое руководство по отлову и уничтожению «колдуний», которое сразу стало бестселлером, выдержав за 9 лет 9 изданий. По Европе запыхали костры... Это, учтите, не «мрак Средневековья», это как раз эпоха Возрождения!

Впрочем, Возрождение все еще оставалось сугубо итальянским феноменом. В других странах расцветом искусств еще не пахло. Турки осваивались на Балканах, покорили болгар, сербов, разгромили крестоносную армию. Наконец решили покончить и с автономией торчавшего среди их владений Константинополя. В надежде на помощь византийский император Иоанн VIII и патриарх Иосиф обратились к папе Евгению V, соглашаясь (уже не в первый раз) подчинить православную церковь католической. И в 1439 г. была заключена Флорентийская уния. Ни к чему хорошему это не привело. О том, до чего докатилось католичество, православный мир знал, и ни в Константинополе, ни в других странах большинство православных унию не приняли. Да и Византия никакой помощи так и не получила, Запад ради нее пальцем о палец не ударил. В 1453 г. Константинополь пал. Защищали его только наемники и моряки-иностранцы. А из сотен тысяч горожан на оборону вышли лишь 5 тыс. Остальные предпочли сидеть по домам и ждать, когда их вырежут или продадут в рабство.

Англия, завершив Столетнюю войну, тут же ухнула в мясорубку междоусобиц Алой и Белой роз, в которой перебило друг дружку почти все дворянство. А Франция вступила в не менее свирепые войны с Бургундией и Бретанью, где поголовное истребление жителей взятых городов было отнюдь не редкостью.

В войнах на Пиренеях первой очистила свою территорию от мавров Португалия – бедная страна рыбаков, горцев-пастухов и воинственных дворян-фидалго. Потом до XV в. она отражала попытки Кастилии подчинить ее. Но, когда с соседями замирились, бойцы-дворяне остались без дела и средств к существованию. И Португалия сделала основой государственной политики пиратство. От мусульман она переняла столь полезные вещи, как компас, астролябия, географические карты, искусство строить каравеллы – небольшие, 50–80 т водоизмещением, но уже позволявшие выходить в открытое море. И начались нападения на Сеуту, Танжер, Марокко. То привозили добычу, то получали отпор. Пока, выискивая менее защищенные места, вдруг не проскочили полосу североафриканских арабских государств – и обнаружили, что сопротивление ослабло... Третий сын короля Жуана I Энрике Мореплаватель на трон претендовать не мог и реализовал себя, создав морской «орден Иисуса» для борьбы с иноверцами. Добился, чтобы орден благословили папы римские – разумеется, не бесплатно. Но португалцы выиграли больше, получив от Рима монополию на плаванья у западных берегов Африки. А любого чужака, заплывавшего туда, хватили и казнили как «еретика», нарушившего папскую волю.

Однако давайте взглянем пошире на огромный мир, еще не «открытый» европейцами. И увидим, что неведомые им края вовсе не были «дикими» и неосвоенными. В Америке существовали древние цивилизации ацтеков, инков, майя, муисков, арауканов и др. Цивилизации эти были жестокими, практиковали человеческие жертвоприношения, у некоторых народов единичные, у инков – сотен людей, у ацтеков – десятков тысяч, что сочеталось с ритуальным каннибализмом. Но и культурные достижения были значительными. Индейцы имели несколько видов письменности, религиозную и историческую литературу, строили большие города с водопроводом и канализацией, храмы, создавали скульптуры и прекрасные ювелирные изделия, на высочайшем уровне находились астрономия и медицина.

В Африке процветало множество обширных и могущественных государств: Эфиопия, Мали, Сонгаи, Борну, Моей, Ойо, Бенин, Нуле, Конго, Луба, Розви, Уагадугу, Ятenga. По восточному берегу угнездились мусульманские султанаты Софала, Килва, Занзибар, Момбаса, Мogaдишо. Вовсю велась трансафриканская торговля. Славилась многолюдные города Тимбукту, Араван, Уалату, Гао, Дхло-Дхло, Кхаме, города-государства хауса, а грандиозные развалины Великого Зимбабве до сих пор поражают туристов размерами и архитектурой.

Южную часть полуострова Индостан занимала огромная империя Виджаянагар, а Индонезию и Малайский полуостров – империя Маджапахит, создавшая большой флот, развитое законодательство и богатейшую культуру – литературу, музыку, философию, поэзию, театр масок, театр теней вайянг. Не менее высокая культура существовала на Филиппинах – местные мусульманские и индуистские княжества имели свою письменность, почти все население, включая женщин, было грамотным. Был накоплен колоссальный багаж научной и художественной литературы – многие тысячи бамбуковых свитков, книг из коры и пальмовых листьев. В Китае достигла максимального расцвета и могущества империя Мин. А Япония вступила в полосу междоусобиц – «период воюющих государств». В Индокитае жили своей жизнью сильные королевства Лансанг («Миллион слонов»), Сиам, Аннам, Таунгу. О какой-либо «отсталости» от Европы в здешних краях вообще говорить не приходилось. Архитектура, скульптура, живопись, литература, философия дали бы фору любой «эпохе Возрождения». Индусы, китайцы и арабы хорошо знали огнестрельное оружие. А Индийский океан был «Средиземным морем» Востока, оживленным перекрестком морских трасс, которые бороздили китайские, арабские, индийские, малайские корабли. И еще какие! Были суда по 400 т водоизмеще-

нием, бравшие на борт до 2 тыс. пассажиров. Китайцы и малайцы были нередкими гостями в Африке и Персидском заливе, арабы – в Китае, Филиппины поддерживали дипломатические отношения с Ближним Востоком и Турцией.

Португальцы же постепенно утвердились на островах – Канарских, Азорских, Зеленого мыса, а на африканском берегу основывали фактории, по дешевке выменивали золото, слоновую кость, рабов. Но самыми ценными товарами, шедшими в Европу с Востока, считались шелк и пряности. И не только в качестве привозных изысков. Шелковая одежда в ту пору была единственным средством избавиться от вшей. А без пряностей, в первую очередь перца, при тогдашних технологиях было невозможно заготавливать впрок мясо. И стоило то и другое чрезвычайно дорого. Однако эти товары поставлялись через Средиземное море, «приватизированное» итальянцами. А потом турки разгромили итальянские базы, развернули агрессию на Сирию и Египет, и торговые пути нарушились. Цены на пряности круто скакнули вверх. И португальцы настойчиво искали другой путь на Восток, вокруг Африки. В 1486 г. Бартоломео Диаш обогнул мыс Доброй Надежды...

Идею генуэзца Колумба о поисках западной дороги в Индию Португалия отвергла, это могло нарушить ее монополию. Но в это время благодаря браку Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской произошло объединение Испании. И войны Реконкисты покатались к завершению, под ударами погибал последний оплот мавров – Гранада. Испанцы тоже были народом воинов, крутых и суровых. Более высокую мусульманскую культуру они в меньшей степени унаследовали, а в большей разрушили, изгоняя и обращая в рабство побежденных. Свирепствовал генерал-инквизитор Торквемада, за 18 лет отправив на костры более 10 тыс. «еретиков» и выкрестов из евреев и мусульман, заподозренных в тайной приверженности прежним верованиям. И когда Колумб обратился к Фердинанду и Изабелле, находившимся на вершине успехов, их его предложение заинтересовало. В 1492 г., как известно, состоялось открытие Америки, принятой за Индию.

Но возникли недоразумения между Испанией и Португалией – как быть с монополией «ордена Иисуса»? За разрешением спора стороны обратились к папе Александру VI Борджиа. Личностью он был весьма импозантной. В молодости, сожительствуя с некой Еленой Ваноцци, предпочел ее дочь Розу и вместе с ней отправил мамашу на тот свет. Прижил с Розой детишек Франческо, Чезаре и Лукрецию, подвизался у святого престола и выбился в кардиналы. А затем, не поскупившись на взятки, пролез и в папы, – скажем, престарелому венецианскому кардиналу за голос при избрании дал 5 тыс. золотых и на ночь свою 12-летнюю дочь. Сыновьям потом дал герцогства и кардинальские титулы, а Лукреция стала любовницей и отца, и братьев, причем Чезаре из ревности убил Франческо. Мамаша Роза благоразумно отошла в сторонку, а отец, сын и дочь зажили втроем благополучной семейкой.

Чезаре командовал папской армией, огнем и мечом сколачивая в Италии собственное королевство. Для пополнения средств папа и его детки практиковали убийства, конфискуя имущество жертв. Отравили трех кардиналов, нескольких вельмож, Лукрецию четырежды выдавали замуж – двух мужей убили, присоединив их владения, третий догадался сам сбежать. Развлечения себе придумывали соответствующие, вроде случки лошадей во дворе Ватикана или охот, где участники «свободно предавались порывам плоти». Любили хорошо поставленные казни. Скажем, некую Корсетту уличили в связи с мавром, провели по Риму в пышной процессии, ее нагишом, а мавра в женском платье с задранной подолом, связали вместе и сожгли. В другой раз Чезаре велел огородить площадь Св. Петра, загнал туда толпу пленных, в том числе женщин и детей, гонялся за ними на коне с мечом и рубил. А настоятеля монастыря Сан-Марко Савонаролу, обличавшего папские безобразия, казнили вообще кощунственно – распяли на кресте, а внизу разожгли костер и поджарили.

На пирах, проходивших с участием кардиналов, устраивались пляски «благородных блудниц» и конюхов в чем мать родила, голые дамы ползали на четвереньках, подбирая ртом

брошенные им каштаны. А Лукреции отец разрешал участвовать в управлении церковью, читать конфиденциальные доклады и принимать по ним решения. Как-то для потехи позволил даже председательствовать на коллегии кардиналов, где она появилась, по словам современника, в костюме «афинской гетеры, состоящем из прозрачной муслиновой накидки на чреслах, с обнаженной грудью». И как раз этот «святой человек», Александр VI, получив мзду как от испанцев, так и от португальцев, разрешил тяжбу между ними очень просто. Взял да и поделил весь земной шар по «папскому меридиану», лежащему в 100 лигах (ок. 500 км) западнее островов Зеленого мыса. Все, что западнее, пусть берут испанцы, а восточнее – португальцы. Правда, те остались недовольны, потребовали пересмотра и в 1494 г. в Тордесильясе заключили новый договор – меридиан сдвинули на 370 лиг (1850 км) к западу от островов Зеленого мыса. Что также было утверждено папой – ему-то какая разница?

В 1497 г. морские успехи испанцев подстегнули португальского короля Мануэля Счастливого отправить экспедицию Васко да Гамы, которая, обогнув мыс Доброй Надежды, «открыла» густонаселенные и весьма развитые страны. Сперва отметилась погромом и грабежом в белокаменных городах и портах Мозамбика, захватив моряков и пытками выведывая путь в Индию. То же самое произошло в султанате Момбаса. Но в Малинди, враждовавшем с Момбасой, португальцев встретили радушно, султан снабдил их продовольствием и дал лоцмана, знаменитого в арабском мире мореплавателя Ахмеда ибн Маджида, автора многих трудов по навигации. Тот и привел корабли в главный индийский порт Каликут (на западном берегу Индостана, не путать с Калькуттой). Истово помолившись в храме Вишну, коего он принял за Адама (как, кстати, и посетивший Индию на четверть века раньше Афанасий Никитин), Васко да Гама нанес визит правителю-заморину и получил разрешение торговать.

Но, когда португальцы выгрузили в порту подарки для заморина – куски ткани, оливковое масло, вино, – местные чиновники были шокированы. Сказали, что таких ничтожных даров никто правителю не подносит. Купцы от привезенных товаров тоже отказались. Оказалось, что по здешним меркам европейцы просто нищие, им на изобильных индийских рынках торговать совершенно нечем! В это время с моряками дошли и сведения о их бесчинствах в Африке. Заморин из вежливости все же велел за казенный счет купить груз португальцев, но приказал им покинуть порт. И тогда взбешенный да Гама стал захватывать корабли в индийских водах, поголовно убивая экипажи. Возвращение в Португалию с награбленными богатствами стало триумфом.

По тому же маршруту пошла целая эскадра Кабрала. Но уклонилась к западу и открыла Бразилию, так что сдвиг «папского меридиана» со 100 на 370 лиг пришелся кстати, новая земля вошла в португальскую зону. А следующая эскадра прорвалась в Индийский океан. О завоевании здешних держав пока не могло быть и речи, но португальцы задумали захватить море. Основали базу в г. Кочин, враждовавшем с Каликутом, и учредили постоянный патруль, безжалостно топивший любые суда. В их числе «адмирал Индии» Васко да Гама уничтожил, например, корабль, шедший из Аравии с 700 пассажирами и годичной выручкой от торговли. Всех загнали в трюм и подожгли. В отчаянии люди проломили палубу, женщины, вызывая к жалости, поднимали на руках детей. Да Гама ударил по ним из пушек, а плавающих в воде добивали копьями.

Каликут бомбардировали из орудий, захватив в гавани 800 моряков, отрубили им руки и ноги и сожгли. А послам заморина отрезали уши и носы и пришили собачьи. Это был целенаправленный террор с целью внушить ужас и навязать свою волю. Португальцев-то было немного. Но пушки у них были лучше индийских, а каравеллы более быстрыми и маневренными, чем океанские суда индусов и арабов. Главным же преимуществом европейцев стала наглость. В процветающих странах с веками сложившимися отношениями и связями никто не ждал, что к ним может вот так ворваться горстка чужаков и начать крушить все и вся. Властители оказались не готовы к отпору. Некоторые сочли, что выгоднее покориться, таким пор-

тугалыцы за плату выдавали специальные пропуска на мореходство. И организовывали базы. Вмешавшись в междоусобицу в Килве, посадили на престол своего ставленника. Возникли форты в Софале, Мозамбике.

Заклучив союз с местными пиратами, разрушили Момбасу, захватили арабские крепости на Аравийском море. В 1510 г. со второй попытки взяли индийский порт Гоа, вырезав без различия пола и возраста все мусульманское население. И учредили тут столицу своего вице-королевства. Индонезийская империя Маджапахит в это время стала распадаться из-за вражды между мусульманами и индуистами. И португальцы ударили на отколовшуюся от нее Малакку. Огромный город, перекресток арабской, индийской и китайской торговли, был разрушен, жители перебиты. А Португалия установила контроль над проливом – каждый корабль, следующий из Индийского океана в Тихий и обратно, обязан был заходить в Малакку для уплаты пошлины под страхом потопления и казни экипажа. В 1514 г. был захвачен другой перекресток торговли – Ормуз в Персидском заливе.

Китайские моряки от своих берегов европейцев отбили. Зато те достигли вожаемых Островов пряностей – Молуккского архипелага (о-ва Банда, Тернате, Тидоре и Амбоин). Воспользовались враждой султанов Тернате и Тидоре и закрепились на Амбоине. Таким образом Португалия с населением 1 млн. за 20 лет захватила под контроль весь Индийский океан. А ведь многие здешние производители уже традиционно были ориентированы на внешний рынок, без торговли существовать не могли. И пришельцы стали диктовать свои условия, скупая товары по бросовым ценам.

Испанцы в это же время «осваивали» Америку. Колумб, став генерал-губернатором открытых им стран, для привлечения переселенцев ввел систему «репарти-менто» – раздавал земли вместе с индейцами в полную собственность владельцев. Индейцам это, конечно, не нравилось, они восставали, а их за это истребляли. Так, на о. Эспаньола (Гаити) специально для охоты за индейцами завезли множество собак. Загнали в непригодные для жизни места и выморили голодом до единого человека. В итоге таких действий население Вест-Индских островов, насчитывавшее около 1 млн., за полвека исчезло, сюда стали завозить рабов. Этим занялись генуэзцы, урвавшие монополию на работорговлю у испанского короля.

Постепенно проникли и на материк. Там, где испанцы получали единодушный отпор – например, во владениях карибов, утвердиться они не смогли. Но крупные империи оказались куда более уязвимыми. Когда 800 солдат склочника и сифилитика Кортеса осаждали Мехико-Теночтитлан, на их стороне сражалось 200-тысячное войско союзных тотонаков, тлашкаланцев, чолульцев, которым надоели владычество ацтеков, поборы и ритуальные «войны цветов» с массовыми жертвоприношениями. А когда неграмотный бывший свинопас Писарро на нескольких лодчонках отправился вдоль южноамериканских берегов и наткнулся на огромный порт Тумбес, в империи инков как раз полыхала гражданская война, принц Атауальпа сверг своего сводного брата Уаскара.

Отряд из 177 испанцев Атауальпа допустил к себе беспрепятственно. Чего ему было бояться с 50-тысячной армией? Но при личной встрече в Кахамарке Писарро вероломно захватил его в заложники, перебив безоружную свиту. Назначил выкуп – наполнить большой зал золотом, а другую комнату дважды серебром. Но и после этого императора не отпустили. Устроили над ним «суд» (естественно, по испанским законам). Обвинили в «узурпации власти», «подстрекательстве к мятежу», «злоупотреблении доходами короны», многоженстве и идолопоклонстве и прикончили. И в чем испанцам повезло – это в том, что империя инков была до крайности централизованным, многонациональным государством. Собственно, инки были не просто господствующей нацией, из них состоял костяк администрации. Но Атауальпа, будучи бастардом, после прихода к власти учинил массовое истребление чистокровных инков, вплоть до женщин и детей. А когда конкистадоры убили его самого и его приближенных, империя оказалась обезглавленной и парализованной.

Одни провинции подчинились испанцам, как бы занявшим место уничтоженной высшей касты. А тех, кто сопротивлялся, покоряли с помощью подчинившихся. Покоряли с исключительной жестокостью. И грабили все подряд, переплавляя в слитки великолепные ювелирные изделия и произведения искусства вроде садов храма Коринанга, где растения и животные были сделаны из золота и серебра в натуральную величину: Слухи о чрезвычайных зверствах в Америке дошли до Мадрида, и в Перу был послан вице-король Бласко Нуньес Вела. Но конкистадоры его убили и... передрались между собой. Банды Писарро, Альмагро, Карбахала сцепились из-за старшинства и добычи. Альмагро взяли в плен и «по приговору суда» перерезали ему глотку. Его сын убил Франсиско Писарро. Гонсало Писарро, сводный брат завоевателя, разбил и казнил Альмагро-младшего. Наконец, прибыл второй вицекороль, де Гаско, с войсками. Рядовые бандиты струхнули, начали перебегать к нему. Предводителей поймали, Гонсало Писарро был обезглавлен, Карбахаль колесован и четвертован.

В процесс дележки мира пробовали влезть и другие. Кабот, венецианец на британской службе, открыл о. Ньюфаундленд, приняв его за Китай. Но, несмотря на ошибку, объявил «Китай» владением Англии! Французы с этим не согласились, и флорентиец на их службе, Веррацано, провозгласил земли от Флориды до Ньюфаундленда «Новой Францией». Однако испанцы не менее строго, чем португальцы, следили, чтобы в их «половину мира» не проникали посторонние – корабли конфисковывали, а экипажи ждала смерть. Бороться с ними на морях у французов и англичан была еще кишка тонка, но они наверстывали свое другими способами. С благословения французского короля Жак Анго из Дьеппа стал формировать отряды пиратов, которые и захватили в 1523 г. сокровища ацтеков, а в 1537 г. – инков...

Во всей истории Великих открытий представляется наиболее удивительным, что даже те современные авторы, которые откровенно освещают подробности европейской экспансии, считают долгом сделать реверанс «заслугам» и «героизму» испанских и португальских «первооткрывателей». Вот и спрашивается: в чем же, собственно, они выражались? Если вору вздумалось обокрасть богатую квартиру, но для этого пришлось с огромным риском карабкаться на десятый этаж и драться с хозяевами, можно ли сей подвиг ставить ему в заслугу и считать героическим? Получается – можно... А в результате из Америки, Азии и Африки хлынули такие потоки богатств, что и не снились прежней Европе. И как раз они-то создали финансовые излишки, обеспечившие дальнейший расцвет эпохи Возрождения. И образовали фундамент всей нынешней западной цивилизации.

Становление русской цивилизации шло иным путем. Если материальные богатства, накопленные Византией, утекли на Запад, то Москва унаследовала ее главное духовное богатство – православие. В период, которого мы коснулись в этой главе, на Руси воссияла слава св. Сергия Радонежского и отзвенели мечи Куликовской битвы. При Василии I великое княжение Владимирское стало наследственным достоянием московских князей, под их власть перешли Нижегородские и Суздальские земли. При Василии II Темном прокатилась по стране междоусобица с Шемякой. А при Иване III Русь сбросила остатки зависимости от ордынских ханов и превратилась в мощное централизованное государство, вобравшее в себя Новгород, Тверь, Пермь, Вятку. При Василии III умы волновал спор между «иосифлянами» и «несчастителями», были присоединены Псков, Рязань, Смоленск, Чернигов. Как Ивану III, так и Василию III папы римские предлагали королевские короны в обмен на переход в католичество, а германские императоры – в обмен на военный союз. Но перспективы войти в описанное выше «европейское сообщество» русских совершенно не соблазнили.

Европа раскалывается

Чтобы понять расклад политических сил, сложившийся в Европе, нужно еще коснуться таких явлений, как Реформация и Контрреформация. В начале XVI в. турецкие завоевания и португальские «открытия» вызвали смещение торговых путей, что подорвало итальянский транзит в Средиземноморье. Но крупные банкиры смогли пережить этот кризис, оперируя ранее накопленными богатствами. Первенствовали в данном отношении флорентийцы – семейства Медичи, Сакетти, Барберини. Их состояния сколачивались разными путями. Скажем, основатель дома Медичи Козимо ограбил папу Иоанна XXIII, в миру известного как пират Бальтазар Косса. Когда над ним сгустились тучи, он передал богатства на хранение Козимо, а когда папу низложили, тот их не вернул. Зато сына Козимо флорентийцы уже звали «отцом отечества». Эти банкирские дома распространили влияние на всю Европу, их должниками было большинство монархов. Финансисты захватили и такую «кормушку», как «святой престол», из их семей выходили теперь кардиналы, епископы, папы. И, несмотря на упадок хозяйства Италии, расцвет ее культуры продолжался. Папы Лев X Медичи, Климент VII Медичи окружали себя роскошью, привлекали скульпторов и художников.

Но в религиозной сфере подобный расцвет сказался катастрофически. Допустим, как относиться к изображениям святых, если моделями для них становились проститутки и чьи-то содержанки? При Александре VI ряд святых был написан с Лукреции Борджиа и Розы Ванотци, с ее лицом была нарисована Мадонна в базилике Св. Петра в Риме. Рафаэль при росписях Ватикана изобразил самую дорогую куртизанку Империи, подружку нескольких кардиналов. А знаменитую «Сикстинскую мадонну», как и еще десятка два мадонн и святых, писал с Маргариты Луги, более известной по кличке Форнарина, которая славилась крайним беспутством, а самого Рафаэля свела в могилу гипертрофированной похотью. Там, где сюжеты Священного Писания оказывались слишком скромными для заказчиков, на выручку приходила антика. Кстати, восхищаясь сейчас в музеях шедеврами Возрождения, мы забываем, что в свое время львиная доля этих картин и статуй выполняла функции... вульгарной порнографии. Разве что не массового, а индивидуального производства. Вельможу, покупающего картины, интересовали в первую очередь телесные прелести «венер» и «аполлонов», а мастерство художника ценилось лишь тем, чтобы прелести получше получились.

В высших слоях общества устои веры разрушались, какая уж тут вера? Кардинал Белларmino философски шутил – мол, поскольку среди пап встречается немало злодеев, то сам факт существования католической церкви есть чудо. Веру оставляли в удел «темному» простонародью. А ее вакантное место стал заполнять культ разума. Как раз с этим связано появление мыслителей-«гуманистов», начавших подменять христианские ценности системой эгоцентризма. Вместо «схоластики» – цитирования и комментирования принятых на веру церковных трудов прошлого – приоритет отдавался собственным логическим построениям. Субъективным, но «изящным». И оправдывающим стройными доказательствами образ жизни знати.

Но для подобного образа жизни Риму требовались и огромные средства – их приток от средиземноморской торговли иссяк, а банкиры опустошать свои кошельки не стремились. И изыскивались другие источники. В связи со строительством собора Св. Петра по Европе потекли продавцы индульгенций. Изначальный их смысл – после покаяния грешника заменить ему епитимью уплатой определенной суммы. Но теперь индульгенции стали продавать как товар, отпускающий все грехи, прошлые и будущие. Утверждалось, будто «папа волен затворять двери ада и отворять двери в рай». В «Книге податей Римского двора» была даже установлена специальная «такса святого престола» на любой грех. Так, отпущение священнослужителю за распутство, «будь то с монахинями внутри или вне стен его монастыря или же с

родственниками и близкими или же с девицами», стоило 36 турнуа и 9 дукатов. А если еще требовалось отпущение «за извращение и за прегрешение против естества», то вдвое больше.

Неудивительно, что люди стали возмущаться. И в 1517 г. профессор богословия Виттенбергского университета Мартин Лютер огласил свои «95 тезисов», выступая против индульгенций, коррупции и разложения в церкви. Сперва он вовсе не думал о расколе, но получил огромную поддержку населения. И когда папа отлучил его, а император объявил вне закона, он уже считал себя в силе принять вызов, разработав собственное учение. Лютер был человеком с «комплексами», давно переживал, что не может достичь праведности. И пришел вдруг к выводу, что Христос уже спас всех христиан своим пришествием. И спасены будут все, верующие в Него, независимо от их земных дел. Откуда вытекало следствие, что не нужны сама церковная организация, священство, монастыри. Это очень заинтересовало германских купцов, увидевших возможность не отстегивать десятину в церковный карман, а еще больше – нищих князей, косящихся на церковные богатства и земли. И, когда Шпейерский рейхстаг под председательством императора проголосовал за нетерпимое отношение к лютеранству, 6 князей и 14 городов подписали протест, откуда и пошел термин «протестанты».

Первые плоды Реформации стали кошмарными. Толпы лютеран грабили монастыри, храмы, изгоняя и убивая священников. Уничтожались статуи, иконы, картины. Учение, что все люди уже спасены Христом, а значит, все можно, обернулось разгулом насилия и разбоя. А раз Лютер встал на путь логического домисливания религии, нашлись и люди, продолжившие это домисливание. Стали плодиться секты вплоть до анабаптистов, пытавшихся строить «царство Божие» по своему разумению и отвергавших любую власть – если не нужна церковная, то светская и подавно. На таких обрушились и католики, и лютеране, и в Германии разразились крестьянские войны. Сектантов истребляли поголовно. В Цюберне одновременно казнили 18 тыс. А герцог Вильгельм Баварский строил пленных анабаптистов и давал выбор: «Кто отречется, будет обезглавлен, кто не отречется, будет сожжен».

Главным защитником католицизма был Карл Габсбург. Внук императора Максимилиана I, он в результате хитросплетений династических браков в 1516 г. стал королем Испании Карлом I, а через три года унаследовал и трон деда под именем Карла V. Германская империя объединилась с Испанией. Возникло государство, над которым «не заходит солнце». Казалось бы, для такого монарха раздавить реформаторов не составляло труда. Но не тут-то было! В это же время Карлу пришлось воевать еще и с турками, развернувшими наступление на Центральную Европу, с французами и... с папой римским.

Потому что для соединения разных частей своей «всемирной империи» Карлу представлялось удобным подчинить Италию. Но на нее и накопленные итальянцами богатства раскатала губу и Франция. А папа, любивший житейские удовольствия, предпочел союз с ней суровым испанцам. Дрались круто. Папа Климент VII в отместку происпанскому семейству Колонна стер с лица земли 14 их селений, вырезав всех жителей вплоть до младенцев. А Карл двинул свою армию, которая в 1527 г. взяла Рим, грабила и потрошила его 9 месяцев, пока оккупантов не выгнали волна венерических болезней и чума от массы разлагающихся трупов – из 200 тыс. жителей в Риме уцелели 50 тыс. Но перелома в войне это не принесло. Французы в 1535 г. заключили против Габсбургов союз с Турцией, получив взамен право беспошлинной торговли на Востоке. Немецкие же князья-протестанты помогать императору отказывались, утверждая, что «паписты хуже турок».

Тем временем в Европе возникали новые центры Реформации. Если Лютер отвергал все, что, по его мнению, противоречило Священному Писанию, то в Швейцарии Цвингли создал еще более радикальное учение, принимая только то, что прямо подтверждается Писанием. Развил его теории Жак Кальвин. Он утвердил идею предопределения. Дескать, одни люди заведомо предназначены Богом к спасению, а другие заведомо осуждены. А отличить «избранных» очень просто – одни богатеют, другие нищенствуют. Материальное богатство

и было признано критерием любви Господа к тому или иному человеку. А долг «неизбранной» черни – повиноваться «избранным». Утверждалось, что, если человек имел возможность урвать деньги и упустил ее, это тяжкий грех, он отверг дар Бога. А тратиться на пустяки и развлечения – разбазаривание дара Бога. Поэтому из жизни изгонялось все «лишнее»: искусство, музыка, танцы. Кальвин учил, что надо предавать смерти даже ребенка, если в нем «говорит дьявол» – дух непослушания, веселости, легкомыслия. Вместо церкви был учрежден «национальный синод» – консистория пасторов, имевших право в любое время дня и ночи зайти в каждый дом, отслеживая «праведность» жизни.

Кальвинизм интересен еще и тем, что стал родоначальником современного либерализма, породив теорию «общественного договора» между властью и народом. Ссылаясь на библейские тексты об избрании царей Израилевых по воле Бога, кальвинисты приходили к выводу, что раз основатели династий были избраны народом, то и являются они всего лишь слугами народа. И обязаны править в рамках изначального «договора», охраняя права и вольности «общества». Иначе они – тираны, и их свержение или убийство не только допускается, но и становится обязанностью подданных. Но только «народ» подразумевался отнюдь не буквально. Имелись в виду лишь «избранные». Французский теоретик кальвинизма Юний Брут прямо указывал: «Когда мы говорим о народе, то подразумеваем под этим словом не весь народ, а лишь его представителей – герцогов, принцев, оптиматов, нобилей и вообще всех деятелей на государственном поприще». И как раз эти «представители» должны были оценивать действия властей и диктовать им свою волю. Словом, кальвинизм стал идеологией олигархии – аристократической или купеческой (точно так же, как нынешний либерализм – идеология промышленной и финансовой олигархии).

Центром Реформации стала и Англия, хотя ее реформы не имели ничего общего с протестантскими идеями. Просто король Генрих VIII был весьма женолюбивым. И решил жениться на придворной даме Анне Болейн, для чего требовалось развестись с надоевшей ему Екатериной Арагонской. А она была родственницей Карла V, от которого папа только что получил трепку. И разрешения на развод не дал. Генрих обиделся, и по его приказу в 1532 г. парламент принял закон, предписывающий духовенству не предпринимать ничего неугодного королю. Папа отлучил Генриха от церкви. А британский парламент в ответ провозгласил короля «единственным верховным земным главой церкви». Ну а как не проголосуешь, жить-то хочется! Канцлер Томас Мор и епископ Фишер пробовали возражать – и без голов остались. (Это было то, в чем нынче видят «многовековые традиции британской демократии».)

Правда, сам предлог конфликта вскоре исчез. Анна Болейн Генриху тоже надоела, и он ее казнил (конечно же, по единогласному приговору парламента). Но быть главой церкви оказалось удобно, теперь король уже, невзирая ни на кого, вступал в браки, разводился, отправлял отставных жен в заточение или на плаху. И англиканская церковь осталась самостоятельной, с католическим обрядом, но богослужением на родном языке и подчинением не папе, а королю. А впасть в более глубокие умствования Генрих своим подданным не позволял, приказывая вешать рядом католика и протестанта, одного как «паписта», другого как «еретика». И, чтобы вообще исключить поводы к вольнодумству, под страхом смерти запретил англичанам читать Библию.

Но после того, как император «вразумил» папу и объединил с ним усилия, стала набирать обороты Контрреформация. В 1541 г. была реорганизована инквизиция. В Риме угнездился ее верховный трибунал, комиссары рассылались в разные страны. Вводился запрет печатать любые сочинения без дозволения инквизиции. А в 1549 г. папа Павел III утвердил Индекс запрещенных книг. Смертная казнь предусматривалась не только за их авторство, но и за издание, чтение, хранение, распространение. И за доноительство об этом. Наряду с карательными мерами проводились профилактические. Был созван Тридентский собор, вскрывший недостатки церковной жизни и выработавший программу «лечения»: исправление нравов слу-

жителей, развитие католического просвещения, миссионерская деятельность, привлечение к пропаганде культуры и искусства.

Важным орудием Контрреформации стал орден иезуитов, основанный бывшим офицером Лойолой. Кроме традиционных монашеских обетов – безбрачия и нестяжания, иезуиты давали еще и обет беспрекословного послушания папе и руководству ордена. Разрешалось пребывание его членов в миру, они должны были распространять и отстаивать влияние католической церкви любыми путями. Готовились квалифицированные проповедники. Иезуиты не гнушались черной работы, служили примером самоотверженности в моменты бедствий, эпидемий. Они начали создавать сеть лучших по тому времени учебных заведений, да еще и бесплатных. Но особенностью ордена стало и то, что в своей деятельности он допускал столь несовместимый с христианством прием, как... ложь. Под лозунгом «цель оправдывает средства». Кстати, термин «Контрреформация» появился позже, а авторы этого процесса называли его Католическая Реформа. То есть она тоже стала разновидностью Реформации. И мы видим, что и впрямь воссоздавалась уже другая церковь, опирающаяся, как и протестанты, не на устои веры, а на силу разума. Но старающаяся делать это более умело и внедрять более искусные доказательства своей правоты.

Судьба Реформации в различных странах была разной. Лютеранство торжествовало в Германии и Скандинавии. Князья-протестанты, объединившись в Шмалькальденскую лигу, на уступки не шли, отвергали любые компромиссы, и в 1546 г. в Германии вспыхнула религиозная война. Протекала она с переменным успехом, и, выдохшись, стороны заключили в 1555 г. Аугсбургское соглашение, выразившееся формулой «*cuius regio, ejus religio*» – «чья власть, того и вера». Какую религию исповедует князь или король, той пусть придерживаются и его подданные. Как нетрудно понять, от самого понятия «вера» в данном контексте уже мало что осталось. Она превратилась в понятие не столько духовное, сколько политическое.

Император Карл V в этой борьбе надорвался. Хотя французов из Италии он выгнал, захватил Сицилию, Сардинию, юг Апеннинского полуострова, Миланское герцогство, но в планах «всемирной империи» разочаровался, да и Испания бунтовала и возмущалась, поскольку все войны в Европе велись ее силами и за ее счет. В 1556 г. Карл отрекся от престола и ушел в монастырь, поделив владения. Корона императора досталась его брату Фердинанду, а сыну Филиппу II отошли Испания, Италия и «бургундское наследство» – Нидерланды, Фландрия, Артуа и Франш-Конте (восточная Бургундия). Так образовались две ветви Габсбургов – австрийская и испанская.

В Англии после смерти многоженца Генриха VIII королем стал его юный сын Эдуард VI, который под влиянием советников пошел на уступки протестантам. Но в 1553 г. он умер, и на престол оказалось 4 претендентки. Дочери Генриха от разных матерей – Мария, Елизавета и Джейн и внучка его сестры Мария Стюарт, королева Шотландии. Эдуард назначил преемницей 16-летнюю Джейн. Но более опытная 37-летняя Мария уже через несколько дней свергла сестренку и приказала обезглавить ее. Она была дочерью короля от Екатерины Арагонской и пыталась реставрировать католицизм, за 5 лет казнила 2 тыс. протестантов и оппозиционеров, заслужив прозвище Кровавой. Свою вторую сестру, Елизавету, тоже собиралась казнить, и та, сидя в Тауэре, уже заказала себе платье с открытой шеей и репетировала, как ей поизящнее класть голову на плаху. Но осуществить это Мария не успела. Вспыхнул мятеж. Отправившись подавлять его, она скоропостижно скончалась. И удивленную Елизавету вместо эшафота возвели на трон. Где она, в противовес предшественнице, объявила себя покровительницей протестантов всей Европы.

Во Франции Реформация имела свою специфику. Здесь к гугенотам (кальвинистам) под флагом теорий «общественного договора» и защиты «исконных свобод» примкнуло много дворян и аристократов. А купцы и горожане, заинтересованные в обуздании дворянской анархии и укреплении королевской власти, составили массы католиков. По сути, пошла борьба не рели-

гиозных, а политических партий, сторонников децентрализации и централизации. В 1559 г. на турнире погиб король Генрих II, у власти оказалась его вдова, флорентийка Екатерина Медичи, со своими детьми – Франциском, Карлом, Генрихом, еще одним Франциском и Маргаритой. Екатерину очень трудно было назвать католичкой, она окружала себя магами и астрологами, вроде Гаурина, Дукале, Кардано, Джунктине, Нострадамуса, а ее любимого колдуна Риджиери официально обвинили в некромантии и человеческих жертвоприношениях, но королева сделала его аббатом монастыря Сен-Мар. А ее детишки в играх ездили по городу, нарядившись епископами и водя за собой шутовскую процессию в монашеских одеждах.

И католическую партию возглавил не инфантильный король Франциск II, а герцог Франсуа де Гиз и его родственник кардинал Лотарингский, которых Екатерина ненавидела, поскольку они были выдвинутыми фаворитки покойного мужа. С ослаблением центральной власти противостояние прорвалось наружу. Гугеноты попытались похитить короля в замке Амбуаз. Но об этом узнали, схватили несколько сот человек и без суда вешали, топили и рубили головы, на что, как пишут современники, «очень любила смотреть женская часть двора». Потом де Гиз со свитой напал на молельный дом гугенотов в Васси, перебив 74 человека. И понеслось... По всей стране католики принялись резать и грабить гугенотов, а гугеноты – католиков. Ожесточение было крайним. В Каркасоне с гугенотов заживо сдирали кожу, распиливали пополам, в Блуа и Турени католических священников секли до смерти, посыпая раны солью и поливая уксусом.

Испания в этот период продолжала покорение Америки. На юге одолела арауканов и подчинила Чили. На севере экспедиция Коронадо достигла пустынь Аризоны, подравшись с индейцами навахо и апачами. А на Юкатане испанцы обнаружили полтора десятка городов-государств майя, враждовавших между собой. Тем не менее покорить их удалось лишь после 30 лет борьбы. Провинциал ордена францисканцев Диего де Ланда описывал, как при подавлении восстаний европейцы «совершали неслыханные жестокости, отрубая носы, кисти рук и ног, груди у женщин, бросая их в глубокие лагуны с тыквами, привязанными к ногам, нанося удары шпагой детям, которые не шли также быстро, как их матери. Если те, которых вели на шейной цепи, ослабевали и не шли, как другие, им отрубали голову посреди других, чтобы не задерживаться, развязывая их». Но и сам де Ланда стал в истории Америки страшной фигурой. Возглавляя инквизицию и борясь с остатками язычества, он подверг нечеловеческим истязаниям свыше 6 тыс. мужчин и женщин, а в 1562 г. собрал по Юкатану и Гватемале все книги и рукописи майя, статуи, ритуальные предметы и устроил аутодафе – история и культура древней цивилизации сгорели в один день.

Из Америки испанская колонизация шагнула на Филиппины. И вскоре от здешней высокой культуры тоже не осталось следа. Китайских купцов и моряков изгнали, а большую китайскую колонию на о. Лусон вырезали, уничтожив 25 тыс. человек. Новых успехов достигли и португальцы. Добивались своего разными методами: не мытьем, так катаньем. В Японии основали факторию в обмен на помощь в междоусобицах.

В Китае получили порт Макао за взятки чиновникам. В Эфиопии горцы-христиане воевали с равнинными мусульманами – португальцы помогли христианам победить, предоставив пушки. И внедрились. Султанаты Восточной Африки Мафик, Пемба, Момбаса, Аму целиком зависели от морской торговли и поэтому подчинились европейцам, центром их владений стала тут крепость Лоренцо-Маркес. В Конго царь Нзинга Мбеба попросил помощи, чтобы отбиться от соседей. Португальцы согласились – в обмен на крещение и признание вассалитета.

Что же касается «европейской культуры», то миссионер Франциск Ксавье, побывавший на Молуккских островах, писал, что знакомство туземцев с португальским языком ограничивается спряжением глагола «грабить», причем «местные жители проявляют огромную изобретательность, производя все новые слова от этого глагола». Действительно, из колоний выкачивались колоссальные суммы. За столетие в Европу было ввезено золота столько же, а серебра

вдвое больше, чем накопилось там за все прошлые века. Хотя ни Мадриду, ни Лиссабону впрок это не пошло. В Испании приток драгметаллов породил чудовищную инфляцию, цены скакнули в 4–5 раз. Крестьяне, ремесленники, дворяне разорялись, а выигрывали торгаши. Но испанцы не были торгашами! Дворянству вообще запрещалось заниматься купеческими и иными промыслами. А торговля находилась в руках нидерландцев. Из учебников истории мы усвоили, будто Нидерландская революция свергла чужеземный гнет, установила капиталистические отношения, что и открыло возможности для процветания и обогащения страны. А факты показывают – ничего подобного! Всегда и во всех странах процесс шел наоборот. Сперва – обогащение купцов и олигархов, а уж потом они начинают рваться к власти, чтобы обеспечить себе дополнительные «свободы».

Нидерланды являлись самой густонаселенной областью Европы. На небольшом пространстве тут сгрудились 300 городов и 6,5 тыс. деревень с 2,5 млн. жителей. Место было важным перекрестком торговых путей – и по Рейну в глубь Германии, и морских – во Францию, Англию, на север. Города входили в Ганзу, вели торговлю с Прибалтикой и Россией. Развивались суконные, ткацкие, литейные мастерские. Но основное обогащение обеспечило нидерландцам включение в состав Испанской империи! Для них открылись запрещенные для других пути в Новый Свет. Нидерланды были «вотчиной» Карла V, он там вырос, окружал себя фламандскими советниками, обеспечивавшими льготы и выгоды землякам. В Америке сражались испанские солдаты, а награбленное ими перевозилось нидерландскими кораблями и утекало в руки нидерландских купцов. Их торговый флот вышел на первое место в мире. Португальцы торговать тоже не умели, все восточные товары у них считались монополией короля – и пряности оптом сбывались на биржу в Антверпен. Выручка опять доставалась нидерландцам.

О национальном гнете и вовсе не приходилось говорить: против испанцев ни разу не восставали ни Артуа, ни Франш- Конте – люди там жили не в пример лучше, чем в родной по языку Франции. Нидерландские провинции обладали внутренним самоуправлением, сами устанавливали законы и размеры налогов. Но настал момент, когда набравшие силу банкиры и купцы захотели «поручить». Кальвинистская теория «избранности» богатых здешним воротилам понравилась. И без налогов королю лучше бы совсем обойтись. А чернь, как и в Германии, заразилась анабаптизмом. В 1566 г. начались массовые беспорядки, было варварски разгромлено 5,5 тыс. церквей и монастырей. Причем наживались опять деляги, скупая по дешевке награбленные ценности.

Однако испанцы в вопросах религии шутить не любили. В Нидерландах была учреждена инквизиция, наместником туда назначили сурового полководца герцога Альбу. Покатились казни – Альба вообще называл голландцев «недосожженными еретиками». В ответ полыхнуло восстание. Руководителем-штатгальтером протестанты избрали принца Вильгельма Нассауского, владельца княжества Оранж. Отряды «гезов» (оборванцев) Альба быстро разгромил, но «морских гезов» ликвидировать не удавалось, они базировались в Англии и на небольших судах совершали вылазки на материк. Филипп II попробовал действовать «пряником». Отозвал Альбу, упразднил инквизицию. Не помогло, восстание разлилось снова. Вильгельм Оранский заключил союз с Англией, пообещав ей Голландию и Зеландию, и с Францией, пообещав ей Артуа и Фландрию. Правда, это напугало южные провинции. Не желая попасть под власть французских королей, они стали искать соглашения с испанцами. Но северные штаты, Голландия, Зеландия, Утрехт и Фрисландия, объединились в Утрехтскую унию и провозгласили суверенитет.

Во Франции в это время продолжалась резня. Религиозной принципиальностью лидеров и не пахло. Предводители гугенотов принц Конде, король Наварры Антуан Бурбон, Монморанси оказывались то в одном, то в другом лагере. Активно вмешивались иностранцы. Католиков финансировала Испания, гугенотов – Англия. Екатерина Медичи, изображаемая в литературе как некий «демон в юбке», на самом деле была недалекой и неумной бабенкой. Сама

запутывалась в собственных интригах. Когда католики одерживали верх, вдруг заключала мир, абы досадить Гизам. Но протестанты от уступок наглели, и война возобновлялась. Подрастали и весьма «своеобразные» детки Екатерины. Садист Карл любил вид крови, резал собак и душил птиц. Бисексуалы Генрих и Франциск рядились в дамские платья, окружали себя отрядами «миньонов» («милашек»). Маргарита, будущая «королева Марго», сперва стала любовницей братьев, потом принялась забавляться со всеми подряд вплоть до погонщиков мулов и придворных дам. Ввела в обычай, чтобы фрейлины целовали ей не руку, а грудь, а любимым ее приемом было пригласить человека как бы по делу, но он попадал в темную комнату, где горело сто свечей, а на простыни из черной тафты возлежала обнаженная Марго. Периодически мамаша и король Карл IX учили сумасбродку, избивая за закрытыми дверями.

У Екатерины возник проект восстановить мир в стране и одновременно уgomонить дочку, выдав ее за Генриха Бурбона, сына погибшего Наваррского короля. Но сама же королева-мать испугалась понаехавших на свадьбу протестантов, боялась их влияния на Карла IX – и метнулась к Гизам. Грянула Варфоломеевская ночь, когда в Париже только до полудня убили 2 тыс. человек, а потом по другим городам до 30 тыс. Филипп II Испанский в своем послании горячо приветствовал столь «энергичный способ, использованный для избавления от мятежных подданных», а папа Григорий XIII устроил в Риме иллюминацию, велел выбить памятную медаль и настаивал на полном истреблении оставшихся еретиков. Но гугеноты снова взялись за оружие...

В выигрыше была Англия. Гугеноты за помощь подарили ей Гавр. В аграрную отсталую страну эмигранты-протестанты принесли лучшие технологии: фламандцы – изготовления сукна, немцы – добычи руды и обработки металлов, французы – выделки шелковых и трикотажных изделий. Кстати, хотя правление Елизаветы принято считать «золотым веком» Англии, это была одна из самых жестоких правительниц. В религиозных вопросах ввела «Акт о единообразии», за переход из реформатства в католичество полагалась смертная казнь. Был принят закон, грозивший смертью всякому, «кто назовет королеву еретичкой» или будет приписывать ее права на корону «другому лицу». Это «лицо» тоже попало в ее руки – Мария Стюарт, бежавшая из Шотландии от мятежа подданных. Елизавета помуржила ее в заключении и казнила. Не только как претендентку на престол, но и из зависти – Мария была красивее ее. Казнь отпраздновали в Лондоне ликованием, с боем колоколов и потешными огнями, а королева на ближайшем рауте появилась в драгоценностях, снятых с мертвой соперницы.

При Елизавете достиг максимального размаха процесс «огораживания». Шерсть была выгодным экспортным товаром, и землевладельцы захватывали общинные пустоши, сгоняли арендаторов с земли, превращая ее в пастбища. Результатом стали массы нищих, и Елизавета ужесточила законы против бродяжничества. Безработный поступал в полное распоряжение любого, кто о нем донесет. Хозяин имел право наказывать работников плетью, за побег осуждали на пожизненное рабство и клеймили, выжигая на щеке «S» (раб). За второй побег – клеймо на вторую щеку. За третий вешали. Впрочем, беглый или уклоняющийся от найма мог прокормиться только воровством, а за это вешали сразу. По всей Англии каждый базарный день публика собиралась поглазеть, как будут вздергивать очередную партию бродяг, воров и воровок. Всего же за время правления Елизаветы было казнено 90 тыс. человек.

При ней завершилось покорение Ирландии. Ее объявили собственностью британской короны уже давно, а ирландцев причислили к «дикарям», сгоняли с земель или отдавали в рабство англичанам. Но они не покорялись, и война там шла постоянно. Когда же лорд Эссекс, любовник Елизаветы, уверенный в своем могуществе, взял на себя инициативу заключить с ирландцами компромиссный мир, королева сняла его со всех постов, а потом и казнила. А наместником назначила Маунтджоя, который так «усмирил» Ирландию, что потом гордо докладывал: «Вашему величеству не над чем повелевать в этой стране, как только над трупами и кучами пепла».

Почему же ее век прославили как «золотой»? Потому что состоятельным гражданам (которые потом и прославили) она позволяла делать все что вздумается. Не вмешивалась в дела парламента. Смотрела сквозь пальцы на нарушения законов и указов против огораживания. Принудительно обязав трудиться всех людей от 20 до 60 лет, обеспечила приток дешевой рабочей силы для мануфактур. А антииспанская политика способствовала развитию пиратства. Главной базой «джентльменов удачи» стал Плимут. Здешние негоцианты были пайщиками пиратов и скупали награбленное. Склады были забиты ценнейшими товарами, а вблизи порта можно было дешево купить кольца, серьги, камзолы и дамские платья со следами крови. На пиратстве кормились сотни комиссионеров, хозяев кабаков и борделей. Процветала и торговля людьми. В Дувре был рынок, где продавали испанцев, за знатного идалго с возможностью получить выкуп платили до 100 фунтов. И если мелких воришек вешали за украденный носовой платок, то пиратов уважали, они получали дворянство и важные назначения. Дрейк, Хоукинс, Рэли считались «национальными героями». Среди пайщиков их предприятий была сама Елизавета, и в ее царствование пираты принесли стране доход в 12 млн. фунтов.

Португалия в данный период, раскидав самых энергичных людей по всему миру, надорвала свои силы. И в 1581 г., в период династического кризиса, Филипп II двинул армию Альбы на Лиссабон, прибрав соседнее государство к рукам. Испания стала единственной «мировой империей». Но сладить с Голландией ей не удавалось. Там, правда, от руки иезуитского наемного убийцы пал Вильгельм Оранский. Однако нидерландцы избрали штатгальтером Морица Оранского, совершившего революцию в военном деле. Чтобы ополчение из горожан и крестьян могло противостоять профессиональной рыцарской коннице и наемникам, он половину пехоты вооружил мушкетами, половину – длинными пиками. Выставленные впереди строя переносные рогатки и копья пикинеров не давали врагу врубиться в ряды, а под их прикрытием мушкетеры вели огонь, построившись в 5–8 шеренг. Шеренга давала залп и отходила назад для перезарядки. Оранский разделил войско на роты по 150–200 человек, 10 рот сводились в полк – что позволяло легко манипулировать подразделениями. А чтобы солдаты при этом не нарушили строй, их стали учить ходить в ногу. Ополченская конница тоже не могла на равных драться с дворянами – и Оранский создал легкую кавалерию. Вместо полного комплекта лат она носила лишь шлемы и кирасы, а вместо копий и мечей каждый имел пару пистолетов и палаши. Такое войско стало одерживать победы.

Наконец испанцы пришли к выводу, что без пресечения английской помощи повстанцев не раздавить, да и безобразия пиратов их достали. И Филипп II в 1588 г. объявил войну Британии. Сформировал огромный флот – Непобедимую армаду. Она должна была взять в Дюнкерке десант и произвести высадку в Англии. Но основой британского флота стали те же пираты. Маневренные отряды их легких судов начали клевать армаду непрерывными наскоками, нанесли ей большие потери, не пустили в Дюнкерк и оттеснили в Северное море. Обратное через Ла-Манш испанцы прорываться не рискнули, решили вернуться в обход, и буря у берегов Шотландии довершила катастрофу.

А во Франции творилось нечто несусветное. Все прежние лидеры погибли. Гугенотов возглавил Генрих Бурбон. Потом сбежал от брата-короля Генриха III и матушки Екатерины принц Франциск, перейдя к протестантам, – ему захотелось занять трон. Потом из Парижа сбежала Марго, сперва к мужу, а затем выступила предводительницей самостоятельной армии. И Екатерина Медичи с королем пошли на мир с Бурбоном, чтобы разгромить и отловить эту доставшую всех особу. Между тем подданным надоело, что их король отплясывает в костюме амазонки на «балах нимф» и «маскарадах гермафродитов», и они создали Католическую Лигу, ориентирующуюся на Испанию и Генриха де Гиза. В волнениях и передраках умерли принц Франциск, Екатерина Медичи, а Гиза король пригласил в гости и убил. Возмущенный Париж восстал. Генрих III удрал и объединился с Генрихом Бурбоном, но при осаде столицы его пырнул ножом фанатичный монах, оборвав династию Валуа.

Религиозные войны продолжались 30 лет, доведя Францию до полного хаоса. В стране действовали 5 или 6 правительств, воевал на ее территории уже не пойми кто. В Париже и других городах по приглашению католиков угнездились испанские гарнизоны, на стороне Лиги сражались лотарингские наемники, на стороне гугенотов – немецкие. Те и другие грабили и истребляли всех подряд без различия веры. Хозяйство было совершенно разрушено, и тех, кого не вырезали, косил голод. Но всеобщее бедствие и бесчинства чужеземцев привели к тому, что народ начал спланиваться вокруг ближайшего наследника погибшей династии, Генриха Бурбона. В 1593 г. он устранил главное препятствие к своему признанию. Произнес сакраментальное «Париж стоит мессы», очередной раз перекинулся в католицизм и стал королем Генрихом IV. А гугенотов удовлетворил Нантским эдиктом. Протестанты не только получили свободу богослужения, а еще и стали «государством в государстве» – им отдавалось 200 крепостей, позволялось иметь самоуправление и свою армию.

Контрреформация аукнулась и в странах, вообще не имевших отношения к католицизму. Иезуитский орден считал, что, раз папа потерял множество паствы в Европе, надо дать ему новую, и чем больше, тем лучше. Проекты доходили до власти над всем миром. Территорию земли поделили на «провинции», объединявшиеся в более крупные «ассистенции». А их руководители-ассистенты подчинялись генералу ордена. И один из генералов хвастал в своем римском кабинете: «Из этой комнаты я управляю Парижем, не только Парижем, но и Китаем, не только Китаем, но и всем миром, и никто не знает, как это делается». А делалось это так: в католических «провинциях» иезуиты старались попасть в духовники к королям и вельможам, влияя на политику, в протестантских выступали шпионами, а в Азии и Африке становились миссионерами.

Многие погибали, другие добивались «успехов». Скажем, очень энергичный миссионер Ксавье за 10 лет проехал 52 страны и окрестил... около миллиона «язычников». Хотя не знал их языков, а они, конечно, не понимали латынь. В общем, пришел «белый человек», что-то там поколдовал и дальше пошел. Из Японии иезуитов выгнал правитель Хидэеси, поняв, что дело это не религиозное, а политическое. Но в Китае миссионер Маттео Риччи, обнаружив, что христианское учение нисколько не интересует китайцев, сумел внедрить своих собратьев хитростью. Изучил язык, культуру и прикинулся поклонником Конфуция. Предложил организовать техническую помощь – научить европейским методам литья пушек и другим знаниям. И в Китай стали слать иезуитов-специалистов: механиков, математиков, астрономов, которых и принимали там сугубо как специалистов. Ну а «элементы проповеди» иезуиты якобы вплета-ли в профессиональные инструкции и беседы, о чем гордо рапортовали.

Еще дальше зашло в Индии, где иезуит Нобили обрелся наголо, стал одеваться и питаться, как брамины, постиг их учение. И они признали в нем «обладателя девяноста шести совершенств истинного мудреца», он стал «своим», стараясь втиснуть начала христианства в проповеди классического индуизма. За ним последовала целая плеяда иезуитов, становившихся браминами и факирами. А их миссионерство сводилось к тому, что к идолам, коим они звали народ поклониться, приделывался малозаметный крестик. Но опять в Рим шли рапорта о потрясающих успехах...

Россия и Европа

Ближайшими европейскими соседями средневековой Руси были страны Скандинавии, Ливонский орден, Речь Посполитая и казачьи области. После того как древнее Киевское государство распалось и было добито татарами, «собрание» его земель пошло из нескольких центров. Два русских лидера, Александр Невский и Даниил Галицкий, выбрали разную политику. Александр подчинился Орде и при ее содействии отбил католический натиск на Западе. А Даниил решил опереться на помощь Запада против Орды, принял от папы королевскую корону, однако никакой поддержки не получил, был разгромлен татарами, а в XIV в. надорвавшую силы Червонную Русь – Галицию и Волынь – легко захватила Польша. Третьим «центром кристаллизации» стала Литва. Многие русские князья, чтобы защититься от татар, присоединялись к ней добровольно. И в то время как Иван Калита и его наследники приращивали свои владения отдельными городами, владения Гедиминовичей увеличивались стремительно, вбирая целые области, – в составе Литвы оказались Белоруссия, Подолье, Киевщина, Черниговщина, Смоленщина. Это великое княжество именovalo себя Литовским и Русским, литовцы переняли более высокую культуру Киевской Руси, православное вероисповедание, государственным языком тоже стал русский.

В 1386 г. в результате брака князя Ягелло на польской наследнице Ядвиге Литва и Польша объединились в личной унии. В 1410 г., после разгрома тевтонских рыцарей, под власть польских королей попала и Пруссия. Возникла обширная и могущественная Речь Посполитая. А в ходе подавления гуситского движения принцам из рода Ягеллонов достались и короны Чехии и Венгрии. В Скандинавии в данный период тоже образовалось одно большое государство: в 1397 г. по Кальмарской унии под властью королей Дании объединились Швеция, Норвегия, Финляндия, Исландия, хотя шведская знать воспринимала подчинение болезненно и периодически проявляла сепаратистские тенденции. А Ливонский орден к концу XIV в. утратил былую агрессивность, рыцари превратились в хозяев-землевладельцев, а города вошли в состав купеческой Ганзы.

Вопреки укоренившимся представлениям, Россия никогда не была отделена от Европы непроницаемой стеной. «Фрязины» из причерноморских генуэзских колоний установили связи с Москвой еще при Иване Калите, регулярно бывали не только в столице, но даже на Печоре. А русские купцы-сурожцы, в свою очередь, ездили в генуэзские города, имели свое подворье в Константинополе. Через Новгород действовал канал торговли с Германией. При Василии II Темном в Москву стали приезжать и венецианцы, а Рим попытался подчинить Россию Флорентийской унии. Однако о разложении католицизма русским было известно, и великий князь присланного ему униатского митрополита Исидора арестовал (впрочем, не знал, что делать с таким заключенным, и устроил ему побег обратно за границу).

Издревле было развито мореходство на Белом море. Поморы строили суда-кочи, по размерам не уступавшие каравеллам, но хорошо приспособленные для плаваний в полярных условиях. С X–XII вв. ходили на Новую Землю, не позже XV в. стали регулярно посещать Шпицберген, огибали мыс Нордкап и торговали с норвежцами и шведами, а в 1480 г. достигли Англии и с той поры бывали там неоднократно. Но отношения с Речью Посполитой вылились в многовековое противостояние, и борьба двух государств занимает не только в истории Восточной Европы, но и в мировой не менее важное место, чем борьба за Средиземноморье Рима и Карфагена. На Москву одна за другой накатывались опустошительные войны «литовщины». И исход этой борьбы в XV в. выглядел очевидным: огромная польско-литовская держава и крошечная московская, граница проходила уже за Можайском. В сторону Литвы все больше косились Тверь, Рязань, готов был передаться ей Новгород вместе с обширным Севером. А развалившаяся Орда была не способна оказать помощь московским вассалам...

Правда, между двумя славянскими державами существовали две «большие разницы». Москва пошла по пути централизации власти, а Речь Посполитая – децентрализации, строго сохраняя «вольности» знати. Каждый пан становился самостоятельным князьком в своих владениях, что вело к дрязгам и междоусобицам. Второе – Русь была центром православия, а Польша стала оплотом католичества. В зависимости от «политического момента» притеснения православных подданных то усиливались, то затихали, но окончательно не прекращались никогда. И, используя эти факторы, Иван III впервые смог подвинуть границу на запад, отобрав у Литвы Вязьму и еще 20 городов.

После падения Византии и женитьбы великого князя на Софье Палеолог в российский герб был включен двуглавый орел, Москва стала считаться Третьим Римом, а Иван принял титул царя. В страну понаехало много специалистов из разгромленной Греции. Охотно ехали итальянские мастера – как уже отмечалось, жизнь в Италии была слишком нестабильной и опасной. Были установлены дипломатические отношения с Римом, Миланским герцогством, заключен оборонительный союз с императором Фридрихом III. Иван III предпринял и первую войну за выход в Балтику. Дело в том, что Новгород хотя и являлся членом Ганзы, но неполноценным. Как вы, вероятно, уже успели заметить, европейские купцы той эпохи отнюдь не склонны были допускать свободной конкуренции, всегда стремясь только к монополии. И, посещая нашу страну, русских на собственные рынки не допускали. Сохранились многочисленные жалобы на убийства и ограбления новгородских купцов, рискнувших отправиться на Запад, а их товары потом открыто продавались в Любеке.

Сперва Иван основал Ивангород, предполагавшийся как город-порт в противовес немецкой Нарве. Не тут-то было. Конкуренты грабили и топили русские суда, купцов в Ревеле (Таллине) сжигали и варили в котлах. Тогда Иван изгнал ганзейцев из Новгорода и начал войну, заключив союз с Данией, тоже недовольной засильем Ганзы на Балтике, – это была первая война России в коалиции с западной державой. А союзницей Ганзы стала Швеция, очередной раз отпавшая от Дании. В ходе боевых действий русские атаковали Финляндию, эскадра поморских кораблей под командованием князей Ушатых обогнула Кольский полуостров, захватила три шведских судна и высадила десант, приведший «под государеву руку» Лапландию. Шведы в ответ разгромили Ивангород. Борьба кончилась «вничью», поскольку Швеция сочла за лучшее покориться датскому королю, и он вышел из войны. Но в итоге установились регулярные отношения с Данией, русские стали торговать в Скандинавии, а в Москве иностранцы отмечали немецких, скандинавских, польских, венгерских купцов.

При Василии III стали привлекать и иноземных военных специалистов, в столице возникла Немецкая слобода, носившая характерное название «Налейки» – в то время европейцы пили куда круче, чем русские. Василий продолжил успешные войны с поляками, отобрав у них Смоленск, Чернигов, Северскую землю. Расширялись дипломатические контакты с германским императором, папой. Хотя в Риме их воспринимали весьма однобоко, и, например, вежливые послания Василия к Клименту VII поняли так, будто царь уже признает над собой власть римского первосвященника.

Конечно, русские порядки и обычаи отличались от западных. Но надо помнить, что в то время до «унификации» Европы было далеко, и остальные государства тоже были не похожи друг на друга. В той же Ливонии яркой спецификой являлось резкое национальное неравенство. Господствующей нацией были немцы, а эстонцев и латышей не принимали ни в цехи ремесленников, ни в торговые гильдии. Всеи землей владели тоже немцы, и крепостное право было самым жестоким в Европе. В 1518 г. здешние правители и юристы провели кодификацию законодательства, взяв за основу римское право. Но при этом пошли по пути прямых аналогий и крестьян приравняли... к римским рабам. Прибалтика стала единственным регионом Европы, где широко практиковалась розничная торговля крестьянами – цена человека составляла 40–70 марок, за специалиста или красивую девушку платили 100. Хозяин обладал

неограниченной юрисдикцией над крестьянами вплоть до «права первой ночи» и смертной казни. Так, за кражу улья в первый раз полагались розги, во второй – отсечение головы.

Швеция в 1523 г. все же отделилась от Дании, и в Скандинавии стало две державы: Дания, включавшая Норвегию, и Швеция, включавшая Финляндию. Обе страны стали непримиримыми соперницами. Обе были вовлечены в Реформацию, приняв лютеранство, и благодаря этому усилились, поскольку к государству перешли церковные богатства и земли (а они составляли 35 % обрабатываемых территорий). Обе привлекали специалистов-эмигрантов из Нидерландов и Германии, предоставляя им освобождение от налогов и прочие льготы, что способствовало возникновению промышленности. Но мануфактуры тут были не частными, а королевскими – в основном работали на армию. Воспользовавшись ослаблением немцев в религиозных войнах, датчане победили Ганзу, она покатилась к упадку. А Швеция была богата природными ресурсами, усиленно развивала горное дело и металлургию, вышла на первое место в Европе по производству и экспорту железа и меди. Хотя это вызвало перекося в экономике. Дефицитом здесь были, к примеру, ткани. В итоге наживались голландцы, поставляя их в Швецию и скупая металл.

Датские и шведские крестьяне считались лично свободными, но трудились на государственной или дворянской земле. К тому же в Дании, как и в Англии, развернулся процесс «огораживания», и за вторую половину XVI в. доля крестьян-собственников уменьшилась с 20 до 6 %. Норвегия и Финляндия в составе этих государств формально считались равноправными частями, на деле занимая «второсортное» положение. Государственными языками были языки метрополий, в администрацию назначались, соответственно, датчане или шведы. И финнам под шведами жилось много хуже, чем норвежцам под датчанами. Налоги были выше, а вдовбавок финны были не только подданными, но и зависимыми от короля людьми, наподобие государственных крепостных. Они служили основным источником рекрутских наборов. Многие бежали, и как раз финны вместе со швейцарцами и шотландцами составляли в Европе большую долю бродячих солдат-наемников.

А спецификой Речи Посполитой были ее «свободы». Здесь, собственно, реализовалось то, за что ратовали французские поборники теорий «общественного договора», – всецелые знати. Короли утратили собственность на львиную долю земель, прикармливая аристократов наградами. Не имели ни реальной силы, ни денег, ни своей армии и вынуждены были идти на поводу у знати и поддакивать решениям сейма, где заседали те же аристократы, ограничивая власть монархов и вынося постановления, выгодные им самим. Герберштейн, посетивший Польшу в 1520-х гг., констатировал: «Они не только пользуются неумеренной свободой, но и злоупотребляют ею».

Как и в теориях «общественного договора», свобода отнюдь не касалась основной массы населения. Историки, часто цитирующие язвительную критику шляхты насчет «рабских» порядков в России, обычно не приводят или искажают ответы русских. А отвечали всегда одно: таких «свобод», как у вас, нам и даром не надо. Польская «демократия» вылилась в абсолютный беспредел знати. У нас почему-то принято писать только о «монголо-татарском иге», молчаливо подразумевая, будто русским землям, попавшим под власть культурных западных соседей, больше повезло. Но вот как описывает порядки в Литве Герберштейн: «Народ жалок и угнетен тяжелым рабством. Ибо если кто в сопровождении слуг входит в жилище какого-нибудь помещика, то ему можно безнаказанно творить что угодно, грабить и забирать необходимые для житейского употребления вещи и даже жестоко побить помещика... Со времен Витовта вплоть до наших дней они пребывают в настолько суровом рабстве, что если кто будет случайно осужден на смерть, то он обязан по приказу господина казнить сам себя и собственноручно себя повесить. Если же он случайно откажется исполнить это, то его жестоко высекут, бесчеловечно истерзают и тем не менее повесят... Если судья или назначенный для разбора

дела начальник пригрозит виновному в случае его замедления или только скажет ему: «Спеши, господин гневается», несчастный, опасаясь жесточайших ударов, оканчивает жизнь петлею».

В 1566 г. был принят Статут, согласно коему право владеть землей признавалось только за шляхтой. Простолудины, как крепостные, так и свободные, могли иметь лишь движимое имущество, а землю должны были арендовать у землевладельца. При этом попадая под его полную административную и юридическую власть – любой шляхтич обладал правом суда и расправы в своих имениях. Но вдобавок господину требовались средства для «шляхетского» образа жизни, балов, пиров, охот. И подати были огромными. Крестьянин каждый год отдавал 10 % – не от дохода, а от всего имущества. Плюс еще другие поборы – очковое (с ульев), рогатое (со скота), ставщина (за ловлю рыбы), спасное (за выпас скота), желудное (за сбор желудей), сухомелыщина (за помол), дудок (при рождении ребенка), поемщизна (при заключении брака).

Иезуит Скарга возмущался: «Нет государства, где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас, под беспредельной властью шляхты. Разгневанный владелец или королевский староста не только отнимает у бедного хлопа все, что у него есть, но и самого убьет, когда захочет и как захочет, и за то ни от кого дурного слова не потерпит». В 1569 г. была заключена Люблинская уния, по которой Литва утратила прежнюю автономию. Речь Посполитая превратилась в единый организм уже не только с одним королем, но и с одним сеймом, общими финансами. Только главнокомандующих осталось два – коронный гетман и литовский гетман. Причем южнорусские области – Киевщина, Брацлавщина, Подолия, Волынь – перешли из-под литовской юрисдикции под непосредственное управление Польши. Хотя на бумаге при этом гарантировалось сохранение прежнего языка, веры и обычаев, но бумага в Польше ничего не значила, паны были фактически неподсудны.

Особо стоит коснуться казачьих областей, долгое время сохранявших независимость. Этническое ядро казаков составило древнее оседлое население Подонья и Поднепровья. На Дону, возможно, это были крещенные хазары. На Днепре киевские князья селили союзных торгов и берендеев. Вероятно, смешивались с ними и касоги (кашаки) – черкесы, населявшие в свое время Кубань и русскую Тмутаракань в Приазовье. Все это предположительно основывалось на созвучии «казаки – кашаки» или на том, что русские источники порой называют казаков «козары», а слово «черкасы» относили как к ним, так и к черкесам. Но во всяком случае археология прослеживает непрерывно оседлые поселения на Дону с VII–IX вв., а в XIII в. персидский географ Гудад ал Алэм называет Приазовье «Землей Касак». В древние времена казаки приняли православие, успели «обрусеть». Жили по своим законам и обычаям. Высшим органом власти был общий круг, вся администрация была выборной – атаманы (в Поднепровье гетманы), есаулы, писари. Кража, убийство, предательство карались смертью. Путешественники отмечали значительную свободу женщин, чистоту жилищ, опрятность, почтение к старшим. И высочайшие боевые качества. Оружием учились владеть с детства. Для казака было вполне обычным попасть пулей в монету, которую другой держал между пальцами поднятой руки.

Утверждение, будто казачество пополнялось за счет беглых крестьян, верно лишь наполовину. В России крепостного права еще не существовало, крестьяне могли свободно уйти куда хочешь в Юрьев день. А на юге, в условиях постоянной опасности со стороны степняков, крестьянам было делать нечего – они если и перебирались на «вольные» земли, то на восток, в Поволжье. На Дону, по старинному закону, земледелием вообще запрещалось заниматься под страхом смерти. Потому что, привязавшись к земле, хозяйство стало бы легко уязвимым для кочевников. И донские казаки пополнялись в основном беглецами из татарского плена или добровольцами, но принимали далеко не всех, а только по решению круга, для чего требовалось пожить на Дону, проявить и зарекомендовать себя.

На Днепре обстояло иначе. По сравнению с панским произволом татарская опасность меркла, сюда всю бежали крестьяне из внутренних районов Речи Посполитой, многие «ока-

зачивались», другие селились и хозяйствовали под защитой казацких сабель. И прием в казаки тут был куда более широким – принимали всех желающих вплоть до «ляхов» и татар, если человек принимал православие и обещал биться с «басурманами». Кавалеристами тогдашние казаки не были. Воевали пешими и на лодках, совершая постоянные набеги на турок и татар. Обычно каждый казак брал в поход по 2 ружья, с одного борта вели беглый огонь по неприятелю, а сидевшие с другого борта перезаряжали оружие. При войне на суше казаки славились мастерством быстро возводить «острожки», ставить «гуляй-городки» и из-под прикрытия укреплений точно так же поражали врага сильным огнем.

Донцы жили в городках (станциями в то время назывались отряды, а не населенные пункты) – столицей казачества был городок Раздоры (ныне Раздорская). Промышляли скотоводством, охотой, рыбной ловлей. А при нападениях врага имели возможность укрыться в густых придонских зарослях. Центрами днепровских казаков стали Черкасск, Канев, Чигирин, а главной базой – Запорожская Сечь в лабиринте днепровских островов и плавней. Говорили: «Велький Луг – батько, а Сичь – маты, там треба житы, там треба и вмираты». Здесь установились порядки «лыцарского братства». Жили в общих кошах-казармах, женщины в Сечь не допускались, и за блуд били киями. Поэтому даже жены казаков жили в других селениях. Видать, по этой причине и пили здесь круче, чем на Дону, – пропить все до нитки считалось особой удачей. Впрочем, в походах под страхом смерти устанавливался «сухой закон».

Первыми казаков стали использовать поляки. Децентрализация и отсутствие средств не позволяли королям для защиты от татар возводить пограничные укрепления и прикрывать их дежурными войсками, как это делала Москва. И в 1506 г. магнат русского происхождения Ляндскоронский организовал для этого отряды казаков, приняв звание их гетмана. Вскоре за успехи в войне с турками Сигизмунд I даровал казачеству «вольность и землю выше и ниже порогов по обеим сторонам Днепра». Потому что никому из дворян эти земли, постоянно находящиеся под угрозой набегов, были и даром не нужны. Но подданство королю оставалось относительным. Запорожцы сами принимали решения о походах, независимо от того, ведет ли войну Речь Посполитая. Нападали на Крым, Малую Азию, несколько раз усаживали самозванцев на престол Молдавии.

Донцы признали власть Москвы при Иване Грозном. Сохранили при этом полную автономию, но по приказу царя посылали на войну отряды, за что получали «государево жалованье» деньгами, хлебом, боеприпасами и право беспошлинной торговли в пограничных городах. Несмотря на разное подданство, днепровские и донские казаки считали себя «побратимами», устраивали совместные операции. И турецкие послы не раз жаловались польскому королю не только на набеги, но и на то, что его подданные-казаки мешают татарам грабить владения Москвы, предупреждая донцов о движении орды.

Впрочем, тут надо еще сделать пояснение, что слово «казак» имело в XVI–XVII вв. несколько значений. На Руси «природные» казаки часто нанимались на военную службу, и этот термин распространился на любых вольных ратников. Иногда для уточнения добавлялось: «служилые казаки», «городовые казаки», что означало просто солдата-пехотинца. Матросов на речных судах называли «кормовые казаки». Но и любая вооруженная вольница вплоть до разбойников тоже величала себя казаками. А в официальных документах уточнялось, что это «воровские казаки». Ну а в Речи Посполитой слово «казак» стало обозначать целое сословие вольных землепашцев и воинов. Потому что по здешним законам не быть казаком – значило превратиться в панского «хлопа», иной альтернативы польское право не предусматривало. Коснемся, кстати, и термина «Украина». Сами украинцы тогда называли себя не иначе как «русские». А слово «Украина» употреблялось в прямом значении – окраина. И в документах того времени фигурировали Польская Украина, Русская Украина, Сибирская Украина, Слободская Украина. Но, чтобы не вносить путаницы и не затруднять читателя, я в данной работе буду употреблять термины «Украина» и «украинцы» в их нынешнем смысле.

При Иване Грозном Россия установила прочные контакты с еще одной державой. Англичане решили искать «Северо-Восточный проход» через Арктику, чтобы добраться до богатых стран Азии в обход испанских и португальских владений. В 1553 г. Мария Кровавая организовала экспедицию Уиллоби. Два корабля погибли, а третий, Ченслера, был занесен в Белое море, спасен поморами, и... англичане «открыли» Россию. Дада, в некоторых источниках так и указывается, что нашу с вами страну тоже «открыли» отважные британские моряки! Забывая о том, что русские «открыли» Англию на 70 лет раньше. Но в это время выходы через Балтику опять закупорили ливонцы и шведы, и царь принял англичан очень радушно, даровал им большие привилегии, и в 1655 г. в Англии была создана «Московская компания» – кстати, это был вообще первый прорыв британской торговли на внешние рынки. Королева Елизавета отношения упрочила, вела переписку с царем. Как уже отмечалось, она и сама была дамой весьма «грозной». И, между прочим, когда англичанин Флетчер издал книгу, критикующую российскую «тиранию» в противовес «британским вольностям», произведение запретили, а тираж конфисковали и сожгли. Елизавета сочла, что под маской правления Ивана автор изобразил сатиру на ее собственные порядки.

Грозный начал вторую войну за выход в Балтику, опять в союзе с Данией. Сумел сокрушить Ливонский орден, но победы были парализованы вмешательством Швеции и Польши. Русские периодически добивались успехов, временно заняли часть Белоруссии. Однако внутреннее разрушение страны опричниной, затяжной характер войны на несколько фронтов, удары в спину крымцев свели достижения на нет. Хотя и у поляков возникли свои проблемы. В 1572 г. умер король Сигизмунд-Август, пресеклась династия Ягеллонов. Знать совсем распоясалась. Сейм решил сделать пост короля выборным и затеял торг с претендентами – кто пообещает большие «вольности».

Выиграла столь яркая особа, как Екатерина Медичи, потратившая массу средств на подкуп избирателей в пользу ее сына Генриха. А главное, он даровал полякам «Генриховы артикулы», по которым на сейме каждый депутат получил право *«liberum veto»*. Достаточно было одному гаркнуть: «Не позволяю!» – и решение не проходило. Любопытно отметить, что польские послы, прибывшие в Париж, были поражены абсолютной необразованностью и невежеством французского двора. Зато французы воротили нос от поляков – писали, что это «темный народ» и «дикари». Ну да Генрих показал им культуру! Не провел толком ни одного совещания с министрами, ни одного заседания государственного совета, а когда в Париже умер его брат Карл IX, Генрих сбежал от своих подданных, попутно украв драгоценности польской короны, и стал королем Франции.

Правда, в следующий раз повезло больше, королем избрали отличного полководца Стефана Батория. Он выиграл войну с русскими – остановить его смогли только под стенами Пскова. Баторий привлек на регулярную службу и казаков. Ввел реестр, определяющий их число в 6 тыс., – им платилось жалованье, гетман и вся старшина утверждались королем. Войску вручили государственные атрибуты: булаву, знамя, бунчук и войсковую печать. Но «Генриховы артикулы» остались в силе. И теперь шляхта могла провалить любую инициативу короля, а он не мог никого задеть, если не хотел нажить неприятностей. Хотя, в общем-то, мелкая шляхта уже и не котировалась – она за подачки составляла «оршаки» магнатов, продавая им сабли и голоса на сеймах. Магнаты имели свои крепости, отряды, сносились с иностранными государствами, из них состоял весь государственный аппарат.

Таких панов называли «корольками». Скарга писал, что хотя сеймовые послы, избравшиеся от шляхты на местных сеймиках, действовали «будто бы по приказанию всей братии, в самом же деле корольки наши делают и творят от имени братии то, о чем братия никогда не думала; братия бессмысленным криком на все соглашается, сама не замечая собственного своего вреда». Управы на магнатов не было никакой. Они могли поддержать короля, а могли и не поддержать. Бывало так, что король вел войну, а Речь Посполитая не вела – сейм проголо-

совал против. А если все же воевали, то паны являлись с полками вассалов, действовали как хотели и уезжали когда хотели. Цапались и друг с другом, совершая взаимные «наезды».

Россия в результате поражений утратила выход к Балтийскому морю через устье Невы, а Прибалтику поделили три государства. Полякам досталась Лифляндия (Латвия), Дания удержала Ревель и Моонзундский архипелаг, а шведы захватили остальную Ливонию (Эстонию) и русские земли, примыкающие к Финскому заливу. Но в присоединенных ливонских областях все государства сохранили крепостнические порядки и «вольности» немецких дворян и купцов. А Россия в это время стала одним из объектов... Контрреформации. Как раз тогда мнимые успехи иезуитов в Китае, Индии, Африке кружили головы римской курии. И на основе рассказов о русской «тирании» возник грандиозный проект обращения «Московии», предполагающий, что такую страну привести под власть папы будет очень легко – достаточно обратиться к царю, а народ автоматически подчинится ему.

И когда Иван Грозный обратился в Рим относительно посредничества в заключении мира с поляками, к нему поехал один из высших иерархов иезуитского ордена Антонио Поссевино. Конечно, ничего из этого не вышло. Царь был себе на уме. Принял легата хорошо, предоставил посредничать в переговорах, многократно беседовал, но, когда тот коснулся своей главной цели, поднял его на смех, назвав папу «волком», чем немало смутил Поссевино. В остальном же Иван связей с Западом не прерывал, племянницу Марию выдал за датского принца Магнуса, которого пытался сделать «ливонским королем», да и сам подумывал в девятый раз жениться на британской принцессе Марии Гастингс. Однако Рим с тех пор проектов подчинения России не оставлял и пристально отслеживал процессы в стране.

Это облегчалось тем, что важным центром Контрреформации стала Польша. Там в 1587 г. был избран на престол шведский принц Сигизмунд III Ваза, хотя и выходец из лютеранской страны, но ярый католик. Ближайшим его советником стал папский нунций, страну наводнили иезуиты. Заработала их цензура. Публично сжигались сотни книг – сочинения Коперника, историка Мартына Вельского и др. Современник писал: «Лучшей забавой иезуитов было сжигать древние польские рукописи». Развернулись преследования ученых Краковского университета. Но применялись и более тонкие методы – в одной лишь Литве открылось 12 иезуитских школ. Принимали туда всех, и протестантов, и православных, причем вовсе не перевербовывая их в католичество. Считалось, что зерна, зароненные учителями, должны подействовать исподволь, ненавязчиво.

Сигизмунд решил покончить и с казачьими свободами. От его имени было издано постановление сейма: «Государственные сословия обратили наше внимание. на то обстоятельство, что ни государство, ни частные лица не извлекают никаких доходов из обширных, лежащих впусе наших владений на украинском пограничье за Белой Церковью. Дабы тамошние земли не оставались пустыми и приносили какую-нибудь пользу, мы на основании предоставленного нам всеми сословиями права будем раздавать эти пустыни по нашему усмотрению в вечное владение лицам шляхетского происхождения за заслуги перед нами и Речью Посполитой». Области, отвоеванные и удержанные доблестью казаков, получали новых хозяев и тот же статус и тяготы, что и внутренние районы Польши.

На Руси после Ивана престол достался его сыну Федору, а фактическим правителем стал шурин царя Борис Годунов.

Страна оправилась от террора, отдохнула от прошлых войн, реорганизовала армию. И в 1590 г. вновь ударила по шведам, одержав полную победу. По Тевзинскому договору Россия вернула выход к Финскому заливу, получила право торговли на Балтике, наши купцы появились на рынках Копенгагена, Стокгольма, германских городов. Кстати, в этой войне отличился двоюродный брат царя по материнской линии – Федор Никитич Романов, который станет потом родоначальником новой династии. Но это случится позже, а тогда Федор Никитич был лихим рубакой, непревзойденным наездником и считался первым щеголем на Москве.

Когда хотели польстить чьему-либо красивому костюму, говорили: «Он точно Федор Никитич!» Но проявил он себя и неплохим полководцем. Участвовал в нескольких походах, исполнял должность псковского наместника, командуя войсками на ливонском направлении, а завершил войну воеводой полка правой руки (второй по рангу пост в русской армии).

Привилегии, данные Грозным его любимцам-англичанам, были при Федоре урезаны. Благо в северных портах появились еще и голландцы, тоже начавшие широкую торговлю с русскими. Охотно приезжали служить военные, был сформирован 5-тысячный корпус из иностранцев. В Россию эмигрировали от польских притеснений многие лифляндские дворяне. Правда, одно время казалось, что с Запада сгущаются тучи. В 1592 г. Сигизмунд III унаследовал и шведский престол после смерти отца Юхана. Два могущественных государства объединились в личной унии! Но король оказался никудышным политиком. Целиком попал под влияние папы и Габсбургов, подчинив государственные интересы римским и имперским. В угоду им ввязался в неудачную войну с Турцией, помогал императору подавлять мятежных венгров.

А внутри страны ужесточил борьбу за католицизм. В условиях дворянских «вольностей» протестантские учения в Речи Посполитой нашли много сторонников. Были аристократы, исповедующие лютеранство, кальвинизм, арианскую ересь, отрицавшую Св. Троицу. Но особенностью польской Контрреформации стало то, что подобное «диссидентство» знати оставалось вполне допустимым, вписывающимся в рамки тех же «свобод». А борьба развернулась против... православия, не имеющего к Реформации ни малейшего отношения. Иезуиты сумели обработать Луцкого епископа, и от его имени была инициирована кампания по подчинению Православной Церкви папе. Сигизмунд издал соответствующий универсал, и в 1596 г. в Бресте был созван собор. Представленные на нем священнослужители разделились на две партии, заседавшие отдельно и вынесшие противоположные решения. Одна, во главе с Киевским митрополитом Рагозой, постановила признать соединение церквей, лишить сана епископов, не признавших унии, и прокляла их вместе со сторонниками. Другая постановила лишить сана Рагозу с приспешниками, просить короля не чинить насилия в делах веры и разрешить послать своих делегатов на сейм.

Разумеется, Сигизмунд поддержал первую партию. Начались захваты имущества Православной Церкви и погромы униатами неподчинившихся храмов. Доходило до того, что луцкий староста Симашко ввел особый налог на посещение церквей православными, а в Страстную субботу и Св. Воскресенье устроил в притворе храма танцы, приказывал гайдукам стрелять в иконы. В ответ на закабаление казачьих областей и притеснения веры вспыхнули восстания. Сперва – Косинского, погибшего в бою, потом – Наливайко. Мятеж подавили, Наливайко и его полковников, Лободу и Мазепу, схватили и изжарили в Варшаве в медном быке, специально предназначенном для мучительных казней. Но религиозная нетерпимость Сигизмунда не пошла ему впрок. Встревожились шведы: как бы он не стал реставрировать католицизм у них, – и в 1599 г. совершили переворот, возведя на трон его дядю, Карла IX. С этого момента Польша и Швеция стали смертельными врагами.

В общем, король перессорился со всеми. И с турками, и со шведами. И с русскими – но в положении, в котором он оказался, вынужден был в 1600 г. подтвердить с Москвой прежнее перемирие еще на 20 лет. Поссорился он и с подданными. Шляхту раздражали постоянные проколы во внешней политике. А на Украине продолжались восстания – в Добровнице, Остре, Брацлаве, Корсуни. Сейм издал постановление «О своеволии Украины», предписывающее «беспощадные кары» за любые «эксцессы». И Сигизмунд решил окончательно прижать казачество, запретив продавать простонародью оружие и сведя реестр к 1 тыс. человек. Были направлены войска для разорения Сечи и особые урядники, обязанные следить, чтобы крестьяне «не бегали в казаки».

Для защиты веры в Речи Посполитой стали возникать православные братства: Львовское, Виленское, Киевское, Могилевское. Они открывали собственные школы в противовес иезуит-

ским, организовывали типографии для выпуска религиозной литературы, брали под защиту гонимых священников, готовили кадры для православной пропаганды. Эти братства действовали в контакте с правительством и Церковью России, при их активной поддержке. Из Москвы финансировалось печатание книг, строительство храмов. Поэтому проекты подчинения Руси Риму становились еще более насущными. За них теперь цеплялась проблема торжества унии в Польше. Да и православные церкви балканских стран, покоренных турками, сильно зависели от материального и дипломатического покровительства царя.

И усилия в данном направлении предпринимались неоднократно. К Федору Иоанновичу папа Климент VIII направил прелата Комулео, иллирийского славянина, изучившего русский язык. Целью посольства было склонить русских к войне с Турцией в союзе с Габсбургами, и Москву даже соглашались признать «Третьим Римом», обещали ей отдать Константинополь, подсказывали, что присоединение «единоплеменных и единоверных» славянских народов Балкан – не только право, но и «прямое назначение» Москвы. Но вот только для этого... надо бы признать церковную власть папы, который обеспечит все победы и вознаградит царя императорской короной. В 1601 г. с аналогичными целями послы Рима Коста и Миранда отправились якобы транзитом через Россию в Персию и подъезжали с переговорами к Борису Годунову. Успеха не было. И иезуиты в своих донесениях сетовали: «И при таком изобилии духовной рыбы (т. е. потенциальных обращенных) нельзя протянуть рук, чтобы взять ее...»; «О, если бы наши отцы с самого начала пришли в эту страну не под своим, а под чужим именем! Многое тогда было бы в лучшем положении». Вскоре такая возможность им представилась.

Россия и Азия

Азиатскими соседями Руси являлись Османская империя, Персия, страны Средней Азии, сибирские и степные народы. Впрочем, Турция была государством не только азиатским, но и европейским и африканским. Это была молодая и очень энергичная держава. Первой в Европе она создала регулярную пехоту – корпус янычар, куда набирались мальчики из покоренных христианских стран, обращенные в ислам. Их служба неплохо оплачивалась, корпус был не только войском, но и особым братством. Присягу они давали друг другу на мисочке соли, Коране и мече. Роль знамен выполняли большие котлы, где они готовили общую еду, и полковника звали «чорбаджи» – кашевар. Идеологическую подготовку вели дервиши из ордена Бекташа (впервые благословившего янычар и давшего им название «ени чери» – «новое войско»). Профессиональная пехота дополнялась отличной поместной конницей-спаги. Вся территория страны делилась на санджаки – знамена, и санджак-бей командовал полком. А спаги, получавшие в лен землю с крестьянами, должны были служить и выставять конных латников-джебели – 1 бойца с 3–5 тыс. акче дохода.

На войну приводили свои отряды и вассальные князья. Турки на первых порах проявляли значительную веротерпимость, иноверцам позволялось свободно исповедовать свои обряды, налог на них был небольшим, а в автономных княжествах не взимался. Многие греки, сербы, валахи предпочитали власть султанов католическим королям, доблестно сражаясь против них в составе османских армий. И евреи, изгнанные из Испании, переселились сюда, принеся значительные капиталы. Турки были хорошими организаторами. Завоевав Константинополь, заново отстроили его – в последний период греческого владычества город пришел в ужасное состояние, обширные районы лежали в развалинах или превратились в пустыри, древние храмы, дворцы, монументальные сооружения растаскивались на стройматериалы.

В 1474–1475 гг. империя нанесла удар на север. Покорила Крымское ханство – один из осколков Золотой орды, захватила генуэзские колонии Азов, Кафу-Феодосию, Сугдею-Судак. Кроме них, в Причерноморье возникли и другие турецкие города – Аккерман, Бендеры, Очаков, Керчь, Анапа, Темрюк. В торговле Россия от замены генуэзцев турками нисколько не проиграла, а скорее выиграла. В 1497 г. Стамбул посетило посольство стольника Плещеева, между государствами были установлены регулярные дипломатические и торговые отношения, и в Москву потекли товары со всего Востока. В это же время Россия установила тесные контакты с Ираном. На него нажимали османы, и персы обратились к Ивану III с просьбой продавать им огнестрельное оружие. Для Москвы связь с ними тоже оказалась очень выгодной. Иран являлся одним из главных мировых производителей шелка. Но турки перекрыли ему дороги к Средиземноморью, а португальцы разрушили морскую торговлю в Персидском заливе и Индийском океане. И в Россию пошел не только шелк из Ирана, но и, транзитом через его территорию, товары из Индии.

Османская держава быстро расширялась. В 1516 г. Селим I покорил Египет, Сирию, Палестину, Аравию. В Каире правили потомки халифов-Аббасидов, и султан узурпировал их титул, став отныне духовным покровителем мусульман. В 1526 г. в битве при Мохаче Сулейман I Великолепный наголову разгромил венгерско-чешское войско. Король этих государств Владислав II Ягеллон умер, и чехи с венграми в панике обратились к императору Карлу V Габсбургу, умоляя принять их в подданство. Что понравилось далеко не всем венграм, особенно протестантам. Часть их магнатов выдвинула в короли Яноша Запольяи. И он стал править на территории, вошедшей в состав Османской империи, признав зависимость от султана. В Северной Африке турки получили поддержку пиратов, братьев Аруджа и Хайреддина Барбаросса. Это были омусульманившиеся греки, пытавшиеся бороться с испанцами и португаль-

цами, но Арудж погиб, а Хайреддин признал власть султана. Получил титулы бея и адмирала, подкрепления и овладел Тунисом и Алжиром.

В образовавшейся империи статус разных частей значительно различался. В Болгарии, Малой Азии, Греции, Сирии были образованы пашалыки (воеводства во главе с пашами). Сюда шло турецкое переселение, проводилась исламизация этих районов. А поскольку христиане не подлежали суду шариата, судебная и в значительной мере светская власть над ними была отдана православному духовенству. Но славянским священникам турки не доверяли, со столичными греками им было легче договориться и держать их под контролем. И те, пользуясь поддержкой султанов, взяли курс на «эллинизацию» церкви, что вызывало недовольство славян. В общем, принцип «разделяй и властвуй» работал четко.

Сербии сперва оставили автономию, а когда сочли, что без дружин ее князей можно обойтись, тоже учредили там пашалык. Но некоторые страны – Ливан, Молдавия, Валахия, отколовшаяся от Венгрии Трансильвания, Крым – автономию сохранили. Они лишь платили некоторую дань, их правители утверждались султаном и по его приказу выставляли войска. Ну а в Триполи, Тунисе и Алжире пашалыки стали чисто номинальными. Реальная власть там принадлежала янычарским и пиратским начальникам. Они помогали султанам флотом, но в остальном жили вполне самостоятельно. Общее управление империей осуществлялось великим визирем, и название его канцелярии «Великая Порта» стало синонимом названия Турции.

Законы и обычаи, принятые в империи, во многом отличались от большинства европейских и азиатских государств. Родовая знать не играла особой роли, люди выдвигались по личным заслугам. (Побочным следствием этого стало явление ренегатства – многие итальянцы, французы, португальцы переходили на службу к султанам; в условиях кризиса католицизма сменить религию из материальных соображений было для них вполне логично, и они становились полноправными «турками».) От покоренных сельджукских султанатов османы переняли такие организации, как ремесленные братства. Авторитет их был огромным, каждый горожанин прежде всего принадлежал к своему профессиональному цеху. А цехи защищали права своих членов, обеспечивали взаимовыручку, кредит, имели доступ к самому высокому начальству.

Заниматься ремеслом в Турции было почетно. Считалось, что каждый уважающий себя мужчина должен иметь полезную профессию. Пример подавали сами султаны. Мухаммед I на досуге делал тетивы к лукам, Мухаммед II был садоводом, Селим I и Сулейман I – золотых дел мастерами, Мурад III изготавливал наконечники стрел, Мухаммед IV был поэтом. Разумеется, объем и качество их продукции никого не интересовали, но это поднимало престиж трудолюбия и мастерства. А идеологическое единство нации обеспечивали ордена дервишей, имевшие большое влияние и часто связанные с теми же объединениями ремесленников, – 10 % мужчин в стране имели отношение к тому или иному ордену. Государство уделяло значительное внимание системе мусульманского образования, тратило огромные средства на строительство школ- медресе и содержание квалифицированных преподавателей.

Торговлю турки считали для себя унизительным занятием, уступив ее грекам, евреям, армянам, арабам. Но это был важный источник доходов, поэтому торговля находилась под покровительством и контролем властей. Права купцов строго охранялись. Действовал торговый суд, не позволявший монополизировать рынки и регулирующий цены. Сам великий визирь являлся главным контролером мер и весов. Вместе с агой янычар и кади (судьей) он регулярно обходил рынки, и при обнаружении обманов и нарушений виновный тут же получал бастонаду по пяткам. Все это обеспечило расцвет и благосостояние империи. Но и войны на ее границах шли постоянно. Турецкий мыслитель Кочибей Гемюрджийский писал, что османское государство «саблей добыто и саблей только может быть поддержано».

Причем сил Турции хватало, чтобы воевать на три фронта. На западе – против Габсбургов, на морях – против венецианцев и испанцев, на востоке – против Ирана. Персия была державой куда более древней, она вобрала богатейшую культуру как доисламского Востока, так и арабского мира. Но здесь занимала видное положение родовая и племенная знать, грызшаяся между собой. Армия собиралась из дружин аристократов и ополчения племен. К тому же иранские шахи были шиитами и постоянно конфликтовали с подданными-суннитами. Поэтому турки отобрали у них Месопотамию, Западную Армению. Но в дальнейшем иранцы, закупая в больших количествах русские пушки и ружья, смогли остановить османский натиск. Ареной непрерывающихся сражений стало Закавказье. Грузия к этому времени распалась на Картлийское, Имеретинское, Кахетинское царства, княжества Гурия, Мингрелия, Абхазия, Самцхе-Саатабало. Армения тоже не играла самостоятельной роли, и они очутились в незавидном положении «спорного имущества», подвергаясь нашествиям обеих сторон.

России в данный период куда больше хлопот доставляла не сама Турция, а зависимое от нее Крымское ханство. Главным своим промыслом оно сделало работорговлю. За труднопроходимыми степями Дикого поля, за укреплениями Перекопа и под эгидой Порты оно чувствовало себя недосыгаемым и превратилось в настоящее разбойничье гнездо, выплескивая набеги для захвата «ясыря» и на московские, и на польские владения. Правительство Турции такому промыслу не препятствовало – оно получало 10 % добычи с каждого набега. На скупке и перепродаже живого товара наживались турецкие купцы, а причерноморские города стали центрами работорговли, рынки которых были переполнены тысячами славянских невольников и невольниц.

Русские государи вынуждены были предпринимать оборонительные меры. Каждое лето на рубеже Оки выставлялись войска. При Василии III стали строиться «засечные черты» – гигантские фортификационные сооружения, протянувшиеся от Брянска до Рязани и Шацка. По лесам и полям делались сплошные засеки, копались рвы, возводились валы с палисадами и немногими проходами. Конечно, прикрыть всю линию укреплений войсками было невозможно. Но засечные черты были серьезными препятствиями для конницы. Она уже не могла просочиться где угодно и должна была прорываться по дорогам, перекрытым крепостями, или задерживаться, форсируя засеки, – что давало выигрыш во времени и позволяло перебросить в нужное место царские отряды. Все русское порубежье жило военным бытом. Крестьяне имели оружие, население городов состояло из гарнизонных служилых. Была организована система постов, дымами и огнями дававших сигналы о набегах.

Но и эти мероприятия не давали стопроцентной защиты. И московским царям, как и польским королям, приходилось еще и откупаться от Бахчисарая ежегодными подарками, которые татары называли данью, установив таксу в 15 тыс. злотых с Москвы и Варшавы. Впрочем, и дани оказывалось недостаточно. Если сам хан отказывался от набегов, он все равно отпускал «подкормиться» своих мурз и царевичей, иначе они взбунтовались бы. При этом полякам, не имевшим оборонительных систем, доставалось сильнее, у них каждый год угоняли по 5, а то и по 50 тыс. человек. Между Россией и Крымом возникли и политические противоречия из-за влияния на Поволжье, где после распада Золотой Орды возникли Казанское и Астраханское царства. Чтобы обезопасить восточные границы, Россия несколько раз сажала на их престолы своих ставленников. Однако Бахчисарай считал прямым наследником Золотой Орды себя. Инициировал перевороты, заменяя сторонников «русской партии» родственниками крымских Гиреев, и их набеги тоже обрушивались на московские земли. На территории нынешних Ставрополя и Калмыкии кочевала Малая Ногайская Орда, а в междуречье Волги и Яика (Урала) – Большая, часто они подключались к нападениям крымцев. А Северный Кавказ представлял собой скопище разнородных национальных образований. Ближе к Черному морю жили адыги (черкесы), у которых существовало множество родовых княжеств, то действующих вместе, то воюющих между собой. В Кабарде тоже правили микроскопическими

владениями десятки князей. У них существовал обычай ежегодно выбирать старшего князя, номинального правителя всей Кабарды. Этот пост должны были занимать все князья по очереди, но на практике дело выливалось в ссоры и драки, и Кабарда разделилась на Большую и Малую (по имени правящих родов их еще называли Казиева и Шолохова). Осетию терзали религиозные проблемы. С древних времен аланы приняли христианство, но в XVI в. в связи с влиянием Турции и Крыма знать стала переходить в ислам, а крестьяне еще исповедовали прежнюю веру.

В Чечне и Ингушетии единичный человек вообще не считался «юридическим лицом». Он был всего лишь представителем своего тейпа. Даже социальная и имущественная градация не относилась к отдельным семьям. Были богатые эзди-тейпы и зависимые от них бедные лай-тейпы. Многонациональный Дагестан представлял собой россыпь крошечных государств – Тарковское шамхальство, Аварское ханство (которому подчинялся и ряд чеченских общин), Тюменское, Эндереевское княжества, Табасаранское мойсульство, Кайтагское уцмийство, Цахурское владение. Правитель, имеющий дружину в 50 всадников, считался тут уже могущественным. Войны шли постоянно, был очень распространен захват рабов – не для труда в собственном нищем хозяйстве, а для получения выкупа или перепродажи, за счет чего процветали работоторговые рынки в Анапе и Дербенте.

В Средней Азии существовало несколько взаимно враждующих государств – Бухарское, Хорезмское, казахские ханства, княжества таджиков на Памире. Тут развернулась жестокая борьба за власть Шейбанидов (потомков ханов Синей Орды) и Тимуридов (потомков Тамерлана). Те и другие использовали в качестве ударной силы степную конницу, сметающую все на своем пути, и последствия были печальными. Ирригационные системы разрушались, обширные области приходили в упадок, поля превращались в пастбища. Эти войны и иранско-турецкое противостояние привели к гибели Великого шелкового пути, издревле кормившего Среднюю Азию. В начале XVI в. Шейбаниды одолели, и последний Тимурид Бабур ушел в Индию, основав там государство Моголов. Под властью Шейбанида Абдулы-хана возвысилась Бухара – он присоединил к своим владениям Ферганскую долину, Балх, Ташкент, Самарканд, Хорезм, Бадахшан. Но затем его сменил на троне Абдулмумин, занявшийся расправами над собственными родственниками, способными претендовать на власть. А в это время стало усиливаться казахское ханство во главе с Тевеккелем. Ему подчинились Моголистан (Семиречье), кочевое Узбекское ханство, Ногайская Орда, сырдарьинские города. И начались войны между казахами и Бухарой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.